

Василий Лягоскин

ДОМА МЫ НЕ НУЖНЫ

Книга третья. Удар
в спину

Василий Лягоскин

**Дома мы не нужны. Книга
третья. Удар в спину**

«Издательские решения»

Лягоскин В. И.

Дома мы не нужны. Книга третья. Удар в спину /
В. И. Лягоскин — «Издательские решения»,

Семьдесят тысяч лет до нашей эры. Древняя земля — полная загадок и опасностей — и маленькая группа людей, готовая противостоять целому миру. И строящая свой мир — безопасный, комфортабельный, устремленный в будущее... Только бы им, русским, не ударили в спину...

Содержание

Глава 1. Профессор Романов. Здесь наш дом!	6
Глава 2. Де – правнук вождя	17
Глава 3. Полковник Кудрявцев. Сила есть – ума не надо!	27
Глава 4. Профессор Романов. Дела текущие	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дома мы не нужны
Книга третья. Удар в спину
Василий Лягошкин

© Василий Лягошкин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Профессор Романов. Здесь наш дом!

Тяжело вставать рано утром в понедельник. Но Алексей Александрович, заснувший на широком матрасе (спецзаказ!) в обнимку с теперь уже законной женой Таней-Тамарой под утро, не пропустил первые звуки просыпающегося лагеря. Или это жена его разбудила? Может она, как Оксана с Бэйлой когда-то, караулила, чтобы профессор не ускользнул без нее в поиск?

Как будто Романов мог обмануть любимую. Договорились же еще вечером, что едут восьмером – именно столько людей помещалось в «Эксплорере». Прямо свадебное путешествие получается – сразу четыре пары молодоженов собрались сегодня продолжить спасательную экспедицию. Только супруги Левины оставались в лагере. Для Бориса безопасность последнего была превыше всего, а Света Кузьмина – теперь уже Левина... В общем – ей было хорошо там, где был Боря.

Остальные... для начала, конечно, в разведку – из каких краев и времен, кроме миоценовой эпохи, неведомый злой разум перенес сюда непреодолимую преграду для микроскопического племени предков современного человека? Предков в том числе профессора Романова и его товарищей.

Таня-Тамара потянулась под простыней, умудрившись этим движением едва не заставить Алексея Александровича отказаться от сегодняшней поездки. А потом она выскользнула из-под хлопчатобумажного покрывала в одном колье, подаренном вчера мужем...

Когда профессор открыл мечтательно зажмуренные глаза, Таня-Тамара уже застегивала с хитрой улыбкой на губах камуфляжную куртку на высокой груди. Она словно прочитала мысли Алексея Александровича, потому что нагнулась над ним, поцеловав в краешек губ, и спросила откровенно соблазняющим голосом:

– Ну что, мы сегодня едем?

Впрочем она тут же, не дожидаясь, пока Романов затянет ее обратно под простыню, приняла деловой вид. Тем более, что кто-то – а именно Толик Никитин – громко постучал в стенку медицинского фургона, который за отсутствием пациентов временно отдали в пользование чете Романовых, и закричал, разбудив при этом, наверное, еще не одного человека:

– Романовы! Вы едете? Автомобиль уже завели!..

Конечно тракторист, как всегда, преувеличивал. Но когда подхватившийся профессор выпрыгнул из фургона, не заметив ступенек, застегивая в прыжке последнюю пуговицу на своей куртке, ругать широко улыбающегося Никитина, не осталось ни задора, ни желания.

Лицо тракториста лучилось счастьем настолько светло и ярко, что вполне могло заменить собой почти показавшееся над горизонтом солнце. Этот молодожен наверное сегодня совсем не спал, как и Бэйла, прижимавшаяся сейчас к его боку нежной и ласковой кошечкой. Словно не она была главным и лучшим снайпером лагеря; словно не она хладнокровно и расчетливо всаживала тяжелые пули в ту точку, куда указывала рука командира.

А вот и сам Александр Николаевич – с Оксаной, естественно.

– И как теперь к вам обращаться, – хмыкнул про себя шутиливо профессор, – господин Президент?

И опять его опередили. Никитин, как всегда несдержанный на язык, сунулся к командиру:

– Ваше Высокопревосходительство! Семья Никитиных к несению службы готова!

Романову стало стыдно за товарища, а потом немного страшно – лицо командира, мгновением раньше светившееся такой же широкой, как у Анатолия, и, наверное, у него самого, улыбкой, вдруг застыло. Полковник чуть скривил губы в недоброй усмешке; он явно хотел бросить что-то резкое, но пересилил себя, улыбнулся вполне дружелюбно – может потому, что его взяла под руку Оксана?

– Договоришься когда-нибудь, Анатолий, – вполне беззлобно отреагировал на неудачный экспромт тракториста Кудрявцев, – пошлю тебя к туземцам – будешь там чинами да званиями разбрасываться.

– Так здесь же никого нет, – попытался как-то сгладить немного нервное начало дня Алексей Александрович, – единственное племя на сотни верст вокруг. Но туда Анатолия точно нельзя посылать – какая после него цивилизация получится?

Все вежливо посмеялись, а командир задумался, и Романов понял: «Что-то Александр Николаевич сейчас опять напроорочит».

– Я бы не был так уверен, Алексей Александрович, – наконец сказал Кудрявцев; он тут же уточнил, – насчет племени.

– Вряд ли еще кто решился перебраться через пролив, – засомневался профессор.

– А откуда? – рука командира показала в сторону, противоположную побережью Индийского океана.

– Так там же чего только не наворочено – и пустыня, и горы высоченные. Не удивлюсь, если за ними еще какой-нибудь новый пролив образовался; шириной километров так в двадцать пять.

– Знаешь, как дикари могли преодолеть твой пролив? – Кудрявцев улыбался прежней ироничной улыбкой.

– Как?! – поразился Романов. Он не был уверен, что даже им, владеющим знаниями и технологиями двадцать первого века, удалось бы преодолеть двадцатипятикилометровую преграду без риска для здоровья и жизни. Учитывая, что из средств переправы у них были только моторная лодка да двигатель от яхты. А ведь еще в воде их могли ждать неведомые чудовища – и не только те, что жили за семьдесят тысяч лет до рождения Христа.

А полковник теперь рассмеялся:

– Просто им надо было попасть по эту сторону пролива раньше, чем он появился. Такое могло случиться?

– Могло, – засмеялся в свою очередь профессор, – а завтракать мы сегодня пойдем?

– Пойдем, – пригласил всех командир, – надо успеть, пока кто-нибудь не помешал...

Успели! Как раз до того момента, когда перед столом появился Набижон Одылов – новый директор новой же школы. Первой школы этого мира! Хотя... Алексей Александрович в свете недавней беседы уже не был так категоричен. Он теперь ждал от аборигенов любого сюрприза. Лишь бы этот сюрприз не был смертельным – для них, для «новых русских», да и для самих дикарей тоже. Слишком много смертей видел профессор Романов за последние две недели. Да и сам едва избежал печальной участи быть съеденным племенем каннибалов.

– Успел, – шумно отдувался Одылов, – не уехали.

Он в последние три дня вертелся словно белка в колесе – ругался с комендантом, проводил бесчисленные совещания с учителями; на парочку даже Алексея Александровича заташил. А сегодня, оказывается, был готов открыть новый учебный год. Не сам, конечно. Предоставил эту возможность полковнику Кудрявцеву, о чем и прибежал сообщить.

Александр Николаевич вроде как беспомощно огляделся – в такой роли ему еще никогда не приходилось выступать. Но профессор-то видел – командир был безумно рад такой новости. А директор уже трещал, делясь сокровенным. Оказывается, лучшей, в его представлении, была старая советская школа обучения – школа шестидесятых – семидесятых годов, когда сам Набижон учился в обычной русской школе. Когда, кстати, учился и сам Романов, и командир, и практически все их товарищи.

– Вот по традиции у нас сейчас будет линейка, посвященная началу нового учебного года, – Одылов посмотрел на часы, – через пять минут. Так что время подготовиться у вас, товарищ командир, еще есть. Родителям (он строго посмотрел на Оксагу) тоже желательно присутствовать...

Так что «Эксплорер» нетерпеливо зафырчал мотором только через два часа – после линейки, закончившейся пронесом на командирском плече сразу двух первоклашек – Даши и Маша. Правда колокольчик был один, зато какой! – тот самый, с которым в новом мире появился Сергей Благолепов.

Потом был первый урок – к удивлению профессора Романова – физкультура. Он даже подошел к расписанию уроков, вывешенному на общей доске объявлений. Все правильно – все шесть учебных дней в неделе начинались со спортивной разминки, которую для школьников проводил самый настоящий чемпион мира.

Такой урок командир тоже не пожелал пропускать. Даже снял камуфляжную куртку с полковничьими погонами, оставшись в тельняшке-безрукавке. А когда к нему с охотой присоединились остальные «разведчики-спасатели», профессору ничего не оставалось делать, как тоже стянуть с себя верхнюю часть камуфляжа.

Школьную разминку Алексей Александрович одолел, не посрамив чести своей новой семьи – а как иначе, если рядом с ним по малому кругу, уже размеченному комендантом для возведения первой стены будущего города, бежала Таня-Тамара. Так, практически на бегу, они и разместились во внедорожнике. Только командир на несколько мгновений задержался, подзвав к себе Юру Холодова.

Сержант сегодня руководил трофейной командой – с грузчиками в «Витаре» и майором Цзы за рулем трактора. Оказывается, далеко не все ценности прежнего мира были найдены и переданы в рачительные руки Валеры Ильина. Что хранилось в многочисленных подвальных этажах? Да хотя бы в развалинах той же Пизанской башни? Профессор и сам бы не отказался порыться в раскопах; с лопатой он был в последнее время весьма дружен.

Однако впереди их могли ждать более удивительные открытия, и отказываться от такой чести – быть в составе отряда первопроходцев – он не собирался...

«Витара» не отставала от передового автомобиля; «Эксплорер» даже подождал ее (командир за рулем подождал, естественно), пока не выгрузились у развалин итальянского лагеря землекопы с лопатами и автоматами Калашникова. Сам же Холодов с Дубовым на пассажирском сидении продолжил путь вслед за разведгруппой.

У следующего, колумбийского, лагеря «Эксплорер» тоже остановился. Никто из разведчиков вопросов Кудрявцеву не задавал – даже чересчур любопытный Никитин. Может, он хотел сам угадать, куда это повел Холодова полковник. А тот довел сержанта до окраины лагеря наркобаронов и топнул по земле ногой. И все! Развернулся и быстро пошел обратно к автомобилю. И уже вырулив на накатанную колею вдоль стены леса, вдруг рассмеялся:

– Задавайте свои вопросы. Про клад, наверное?

– А я кажется догадался, товарищ полковник, – первым, как всегда отличился тракторист.

– Ну?

– Это там вы палки обгорелые – ну те, что от кокаиновой рощи остались – закопали.

– Молодец, – поощрил парня командир, – а зачем они нам нужны?

Теперь решил отличиться Алексей Александрович:

– Может, для музея?

– Одну оставим для музея, – не стал его разочаровывать полковник, – а остальные...

– Остальные – для безопасности, – это уже Бэйла, которая на удивление быстро осваивала русский язык, – вы же сами все время, товарищ командир говорите, – «Главное – безопасность!».

– Молодец, – даже немного удивился командир, нажимая несильно на педаль тормоза – рядом с автомобилем бежал алабай; бежал без остановки уже не один километр, – это мы с профессором Арчелия решили провести новый эксперимент.

– Это не типа того, когда вы моего Марио заставили колотить по каменюке кувалдой целый час, – вскинулась Ира Ильина (до сих пор Ильина, не пожелавшая взять фамилию мужа), – без всякого результата, кстати. Марио потом весь день не мог успокоиться.

Итальянец, сидевший рядом, попробовал возразить, но Ирина дернула плечом, и парень заткнулся. В этой семье роли уже были распределены, но Марио, судя по счастливому лицу, его роль нравилась. Вместо него ответил Анатолий:

– Это он расстроился, когда товарищ полковник эту каменюку из пластмассы одним ударом расколошматил. Так то же командир! Никому больше такое не под силу!

– Так прямо и никому? – по лицу Кудрявцева никак нельзя было разобрать, доставила ли ему удовольствие такая похвала; зато было видно, что он чего-то ждет от соратников.

И дождался. От жены, Оксаны:

– То существо, хозяин белой медведицы... Пластмассовая роща тоже наверное его...

– Создание, или изобретение, – подхватил профессор, – и уж оно-то точно знает все свойства этого пластика.

– В том числе как его разрушить. Но кое в чем этот божок оказался бессилён.

Теперь поняли все. Да и как не понять, когда они своими глазами видели непреодолимые для чудовищ укрытия – ту же Стену Плача, мандариновую рощу абхазцев, или даже... дохлую корову в индийском анклав.

– И что? – задал общий вопрос Никитин.

– Что-то есть в этих укрытиях, – объяснил командир, – может даже не совсем материальное. По крайней мере Виталик Дубов вчера от нашей бани – от сруба – без всяких проблем «Хускварной» кусок бревнышка отчекрыжил. Вот мы и решили с Георгием – разотрем частицы укрытий и добавим в пластмассу. Порознь и сразу все вместе, а потом...

– А потом Марио дадим кувалду – пусть стучит, – засмеялся опять тракторист, – а командир покажет ему, как можно разбить одним ударом.

– Надеюсь, что у меня тоже не получится, – по его ставшему напряженным лицу в зеркале профессор понял, как сильно Александр Николаевич на это надеется, – так что у Холодова кроме основной задачи есть еще одна – доставить в лагерь фрагменты всех укрытий. Да-да (это он отреагировал сразу на несколько недовольных гримас), и от хижины людоедов тоже.

– А центральный участок, – вспомнила вдруг Оксана, – тот, где было логово?

– А кого он спас? – по еврейски, вопросом на вопрос, ответил командир и дискуссия закончилась.

Между тем «Эксплорер» приближался к первой запланированной остановке; именно здесь должны были выгрузить часть багажа, которым пропах весь салон несмотря на опущенные до отказа стекла дверей автомобиля. Профессор Романов вспомнил слова ламы Севера о том, что ни сам он, ни его «коллеги» никаким диетам не подвержены и... а вот и он сам – встречает гостей.

Сегодня лицо ламы было приветливым. Может оттого, что от автомобиля несло не бензиновыми парами, а густым ароматом копченого мяса? Даже Малыш удостоился короткого поглаживания по безухой голове, на которое, к удивлению профессора, не огрызнулся. Пес словно подставил свою голову под благословление, и получив его, весело помчался вдоль границ участка, помечая их, как небезосновательно предположил Романов, по-своему, по-собачьи.

А лама Севера с помощью Анатолия и Марио отнес припасы, включая несколько канистр с водой в пещеру, которая, опять таки по предположению Алексея Анатольевича, была сейчас самым прохладным местом в округе на многие сотни, а может, и тысячи километров. Впрочем, он тут же вернулся. Может потому, что не хотел отпускать русских без беседы. Как бы не твердили разнообразные религиозные и иные аскеты о возможности самосовершенствования путем углубления во внутренний мир, без общения с другими людьми прожить было

невозможно. Иначе ты уже не человек – такой была твердая убежденность профессора Романа.

Сейчас Алексей Александрович с интересом внимал словам ламы, который пытался донести до собеседников, а особенно до Кудрявцева, к которому собственно и обращался, спорную мысль о том, что все в мире можно понять, обратившись к прошлому. К тому прошлому, информация о котором никуда не исчезает, «записывается»... ну хотя бы в камнях, который сейчас окружали их.

– Ну и правильно, – подумал профессор, глядя, как тибетец поднял камешек размером с куриное яйцо и поднес его к уху, – здесь ведь больше ничего нет кроме камней. Да и вся жизнь этих людей проходит в окружении каменных круч да перевалов. Ну еще снег выпадет зимой, а весной растает. Сейчас он скажет, что этот самый снег и несет информацию...

А лама опустил ладонь с камнем от уха и протянул его полковнику:

– Миллионы лет этот камешек ждал, когда к нему обратятся. Сначала как часть потока раскаленной лавы; потом в монолите скалы, и совсем немного отдельным куском, привнесенным сюда благодаря солнцу и снегу (а что я говорил?!). Он впитывал память каждой снежинки, каждого лучика солнца... Хочешь – спроси, что видел он за миллионы лет? Какие битвы, какие драмы, быть может, разворачивались рядом?..

И командир кивнул, закрыл глаза и прислушался к камню, который теперь замер в кулаке у его уха. Все с жадным любопытством замерли – и Алексей Александрович тоже. Вот спокойное выражение лица Кудрявцева сменилось слабым любопытством, затем улыбкой; тут же улыбка превратилась в гримасу – настолько ужасную, что виски профессора словно сдавила какая-то неодолимая сила; однако эта сила не могла заставить отвести глаза от лица друга, от его побелевших пальцев, которые, казалось, сейчас раздавят камень в порошок.

Романов вздрогнул (да и все рядом наверное тоже), когда командир с видимым усилием открыл глаза и... улыбнулся. Виски словно отпустили чьи-то недобрые сильные ладони, и профессор открыл рот, чтобы задать вопрос..., но Кудрявцев заговорил раньше:

– Как много плохого, просто ужасного было в прошлом – намного больше, чем хорошего. Или этому камешку просто не повезло. А вообще-то я тут себе нафантазировал наверное, и камень тут совершенно не причем.

Он опустил взгляд на ладонь, до сих пор сжатую в кулак и начал медленно разжимать пальцы. Потрясенный ученый так и не закрыл рта, наблюдая, как один за другим пальцы командира открывают всем на обозрение горстку мелкого песка – все, что осталось от камня. Профессор первым отвел взгляд от полураскрытой ладони; он не удивился тому, с каким жадным изумлением, любопытством и... восторгом смотрели его товарищи. В глазах сунувшегося вперед тракториста словно застыл возглас: «Это же командир! Он еще не такое может!».

Но больше всех был потрясен лама. Словно не он только недавно протягивал камень Кудрявцеву, не он предлагал поэкспериментировать.

– Вот и смотри на результат эксперимента! – с некоторым злорадством подумал Романов, – а то пятьдесят лет, помедитируй... Нет у нас пятидесяти лет.

А лама Севера между тем пришел в себя очень быстро. О ухватил командира за рукав куртки и, словно забыв от потрясения русский язык, потащил его без слов к темнеющему входу в дацан. И опять гости столпились у входа в каменное жилище лам. Теперь оно выглядело более обжитым.

– Хотя..., – обвел взглядом голые каменные стены профессор, – вроде ничего тут не прибавилось... Запах (понял он); запах копченого мяса – что же еще? Это тоже маленькое волшебство; волшебное мастерство Зины Егоровой.

Лама меж тем подвел командира к камню. Нет – к Камню с большой буквы. И в смысле размеров, а был этот «камешек» никак не меньше их «Эксплорера» – это без подземной части;

и конечно в части той тайны, которую он скрывал. В груди Алексея Александровича сладко заняло предвестием открывающейся перед ними тайны.

Полковник Кудрявцев уперся плечом в Камень, словно в тот самый внедорожник, застрявший в грязи, и покрытый инеем громадный валун сразу, без раскачки, и – что удивительно – без ожидаемого скрежета и визга раздавленных мелких камней отъехал в сторону. Словно был, как и «Эксплорер», снабжен невидимыми взором колесам, на которых и проехал сейчас до противоположной от входа стены.

Но не камень теперь интересовал всех, а то, что он совсем недавно скрывал – круглое отверстие в каменном полу, в которое нестерпимым глазу потоком врываются лучи другого (другого ли?) солнца. И это солнце, как совершенно точно понял Романов, светило людям двадцать первого века.

А первой на этот раз опомнилась Ира Ильина. Она вдруг вытащила из кармана мобильный телефон и принялась тыкать в кнопки. Через считанные мгновения все остальные присоединились к ней, и профессор в том числе. Только командир и Толик Никитин стояли неподвижно, уставившись друг на друга.

Алексей Александрович, в отчаянии вглядываясь в маленький экранчик, показывающий полное отсутствие здесь связи, краем сознания успел отметить, как Кудрявцев медленно кивнул и Анатолий, глубоко вздохнув (для храбрости наверное), «нырнул» в это отверстие. Отчаяние не заполнило Романова, да и остальных разведчиков, тоже убедившихся в отсутствии заветных черточек на дисплеях; в первую очередь потому, что теперь он жадно ждал возвращения тракториста. А где-то на самом дне его любопытства жила и никак не могла исчезнуть не совсем честная мыслишка: «А вдруг он не вернется? Вдруг трактористу милей блага цивилизации, привычный мир без чудовищ и непонятного будущего, чем мы, чем...», – его взгляд остановился на напряженной лице Бэйлы, которое вдруг прояснилось, в то время, как в отверстии потемнело.

Тракторист прыгнул на каменный пол как-то неудачно; если бы не сильные руки полковника, лежать бы ему сейчас у ног товарищей. А руки у тракториста были заняты. Он держал в них огромный ком кристально-белого снега, который тут же сунул в руки жене:

– Держи, ты наверное в своем Израиле никогда не видела такого.

К Бэйле с визгом бросились остальные девчата, так что только парни видели, как Камень, опять повинувшись рывку командира – теперь тот действовал одними руками, без плеча – занял свое привычное место. И профессор почувствовал вдруг, как что-то обрывается в нем, словно пуповина у новорожденного, покинувшего теплое лоно матери. Хотел ли он вернуться в прежний привычный мир?

Этот вопрос он задал не себе, а Толе Никитину, который первым вышел из дацана.

Тракторист на долгие мгновения задумался, а затем, к удивлению Алексея Александровича, рассмеялся и кивнул:

– Хотел бы.

– Так зачем..? – начал было Романов, но Никитин его не слушал и не слышал; он словно отвечал самому себе:

– Хотел бы пройтись по своей улице; набить кой-кому морду и заставить починить сарайчик бабе Оле. А потом... я бы выправил ему заграничный паспорт и отправил его в Израиль. Туда ведь виза не нужна? – повернулся он к жене.

– Нет, – ошарашено кивнула та, – а зачем?!

– Как зачем? – притворно удивился тракторист, – тебя искать. Там ведь ты меня еще не дождалась!

– Вот еще, – фыркнула Бэйла совсем по-русски, – нужен ты мне там такой старый.

– Ничего, – не обиделся Анатолий, – любовь зла...

– Если ты имеешь в виду того козла, которого привели китайцы, – со смехом вступила в этот семейный разговор Ирина, – то да, такого козла в Израиле точно нет.

Все дружно рассмеялись. Кроме Анатолия, который единственный, к удивлению профессора, стоял теперь с серьезным, даже торжественным видом:

– А вообще-то нечего нам там делать. Пусть сами разбираются. Наш дом – здесь!

– Вот это правильно! – поддержал его командир, – так что поехали, посмотрим, что еще у нас в доме не в порядке.

Через пару минут «Эксплорер» круто повернул направо, к темнеющей вдали идеально ровной линии каменного отрога. Позади остался задумчивый лама Севера, позабывший даже помахать вслед автомобилю. «А может это у них, тибетцев, не принято», – подумал Алексей Александрович, пытаясь понять, почему командир так и едет вдоль стены леса, когда их цель – неведомые лесные дебри – темнела в двух-трех километрах слева по ходу движения.

Он даже собрался задать этот вопрос, когда внедорожник резко затормозил и полковник, ни слова ни говоря, выпрыгнул в открытую рывком дверцу и исчез в миоценовом лесу. В руках у него уже был арбалет; другой рукой он махнул, явно приказывая группе дожидаться командира. Это было не совсем честно по отношению к товарищам, зато вполне оправданно – признал профессор – ведь в густом лесу и он, и другие бойцы только мешали бы стремительно преследующему кого-то Кудрявцеву.

А лес, как оказалось, был не таким уж и густым. Иначе как командир ухитрился бы разглядеть в нем двух мальчишек, которых совсем скоро и привел, держа за руки. Нет – за руку он держал старшего – лет двенадцати; младшему не было, наверное и семи, и он сидел на другой руке полковника, стискивая его шею своими ручонками с такой силой, что Маша с Дашей могли только позавидовать.

Казалось, никакая сила не оторвет этого сербского мальчишку о Кудрявцева; но нет – ласковые слова девушек, а потом и знакомая речь – это профессор опять стал переводчиком – заставили его все таки разжать объятия. И вот уже оба давятся совсем крошечной (на их взгляд) порцией хлеба с мясом, запивая обед такой вкусной водой.

Как они смогли выжить в лесу, куда дружно драпанули, когда в сербский лагерь живой волной хлынули твари?! Что ели и пили две недели? Неважно – главное они дождались помощи; а тут еще новость, что рядом есть соплеменники, и совсем скоро они их увидят. А когда еще позволил погладить себя Малыш...

– Ну что, – явно повеселевший командир советовался с командой, – едем домой?

Увидев ставшие враз кислыми физиономии парней, он рассмеялся:

– Ну хорошо, доедем до гор – тут совсем немного осталось – а назад вдоль того лесочка вернемся, – Кудрявцев показал на темневшую вдали опушку, куда так стремилась душа Алексея Александровича.

Старший мальчик забрался на колени к Марио, младший теперь не отходил от тракториста, который на удивление всем мгновенно находил общий язык с детьми – может быть потому, что сам в глубине души был таким же пацаном? Во всяком случае шкодничать он любил не хуже иного малолетнего хулигана.

До стены, выросшей перед ними как-то сразу, добрались очень быстро. Что такое для внедорожника с мощным мотором каких-то двенадцать километров. Все вышли из автомобиля. Мальчишки смотрели на отвесную стену, которая здесь доходила метров до трехсот, с восторгом. А взрослые – с понятным изумлением: какая могучая сила могла сотворить такое, и, главное, зачем?

Вдоль этой стены, продолжающей расти с каждым метром, «Эксплорер» ехал медленно, словно командир каждый момент ждал засады. И дождался! Путь к неведомым джунглям преградила водная преграда; не очень широкая – метров пятьдесят. Но даже до нее добраться было нелегким делом. А точнее – смертельно опасным. Потому что берега этой стоячей реки,

а точнее канала, тоже явно искусственного – вон какие они идеально ровные, – так вот эти берега буквально кишели крокодилами. А может, такое впечатление сложилось у профессора из-за их огромных, просто нереально громадных размеров?

Автомобиль остановился, не доехав до канавы метров сорок – ближе подъехать командир явно опасался. Мерно рокотал двигатель; рычаг переключения коробки передач стоял уже в положении заднего хода, а Кудрявцев все медлил, не давал команду на выгрузку. И профессор воспользовался этой паузой. Он открыл свой планшет, на который тут же покосился с завистью Никитин. Самому Анатолию подарили на свадьбу шикарный набор инструментом, которому тракторист искренне обрадовался.

Но теперь в руках Алексея Александровича был самый нужный на эту минуту предмет, в который его друзья – доцент Игнатов и Ежиков – в качестве свадебного подарка записали Википедию. И сейчас настала пора радоваться такому дару.

Романов не стал раздумывать – занес в поиск то, что видел перед глазами: «Вымерший гигантский крокодил». Ведь эти монстры явно не были современниками профессора. А Википедия выбросила сразу двух кандидатов – саркозуха и дейнозуха – вымерших миллионы лет назад крокодилов, действительно достигавших десяти, и даже пятнадцати метров – вон как тот экземпляр, который сейчас поднял голову и уставился на людей, все таки покинувших автомобиль, немигающим взглядом.

Увы, в Википедии не говорилось, и не могло говориться, как начинал атаку древний земноводный хищник. Этот побежал неторопливо, словно не веря, что рядом действительно находится добыча.

Резко щелкнула тетива арбалета, но не зная прежде преград оперенная стальная смерть лишь скользнула по покатоному черепу, прочертив по нему длинную борозду. Тут же рядом громыхнуло. Вроде бы один раз, но профессор даже не оглядываясь знал, что сейчас к плечу вскинули оружие и Бэйла, и Оксана. И действительно – выпуклые глаза хищника вдруг вспухли, взорвались кровавыми брызгами, но крокодил лишь запнулся на мгновение, и продолжил атаку.

Насколько острыми были слух и осязание хищника, смотреть было некогда. Больше того – не было времени даже запрыгнуть в автомобиль, тем более что водитель сейчас опять целился в крокодила. Был ли так уверен в этом выстреле командир?!

Тетива теперь щелкнула не так звонко; или это показалось Романову, уже зажавшую в руке ладонь Тани-Тамары, чтобы бежать вместе с ней в сторону – туда, где слепой уже древний хищник не сможет догнать добычу...

Крокодил словно споткнулся; более того, остановившись на мгновение, он вдруг закружился на месте, сразу подняв в воздух тучи травы и грунта – словно щенок, пытавшийся поймать хвост. Оказалось, что поймать и хвост, и остальные части тела уже мертвого, но до сих пор исторгающего океан энергии, вполне возможно. Что именно – громкий звук выстрелов, запах крови или это бешенное вращение привлекло собратьев хищника? Комья земли еще падали вниз, а ужасные пасти уже тащили мертвое тело назад, в тихие воды длинного омута. Через пару минут бешеный коловорот продолжился уже под водой – видимо более умные, или ленивые особи гигантской стаи ждали обед дома.

Профессор отпустил побелевшие пальцы жены и уставился на командира с укоризной. Тот вернул ему взгляд – уверенный как всегда; Алексей Александрович понял, что Кудрявцев держал все под контролем; только как быть с адреналином, который до сих пор бурлил в крови? И не только в его крови – надо было только посмотреть на потрясенные физиономии товарищей.

– Вот в чем разница, – задумчиво протянул командир, словно не заметивший его укоризненного взгляда, – со старым болтом можно послать только кинетическую энергию рогов арбалета...

– А с новым, пластмассовым? – в Романове проснулся ученый.

– С новым... – Кудрявцев задумался, наверняка формулируя, – послать свою энергию, свое желание пробить кость, камень, броню; просто убить наконец...

– Да... – протянул Анатолий, – такому «крошке» человек на один зуб. Перекусит пополам и не почувствует.

– Что человек? – Алексей Александрович снова уткнулся в планшет, не забывая поглядывать на бурлящий водоем, – у этой водоплавающей ящерицы сила укуса в два раза больше, чем у тираннозавра. Он этого ящера вполне мог перекусить пополам. И перекусывал, кстати, – это тоже было в Википедии. Оба этих крокодила – и саркозух, и дейнозух питались в том числе крупными динозаврами.

– Вот бы этих длиннохвостых сравнить с теми тираннозаврами, что за речкой живут.

– Ага, – засмеялся Марко, только теперь отпустивший руку Ирины, – на веревочке отведем.

– Интересно, – поменял тему профессор, – зачем их сюда перенесли?

– Как зачем? – удивился Анатолий, – затем же, зачем и нас, и собако-медведей, и тех же динозавров...

– Да? – резко повернулся к нему Алексей Александрович, опуская руку с планшетом, – а почему тогда эта канава тянется не поперек, а вдоль направлению движения дикарей; я уверен, что там, – его рука протянулась в сторону, откуда приехал «Эксплорер», – эта протока продолжится. Такое ощущение, что крокодила здесь для того, чтобы не разбежались... хотя бы они.

Теперь его палец показывал вверх водной поверхности, которая никак не успокаивалась. Там, в редких зарослях каких-то лиственных деревьев (куда им до миоценовых секвой!) стоял медведь. Нет, два... три – вот уже целая стая мохнатых хищников наблюдала за бурлением воды, и, конечно за незнакомцами у «Эксплорера».

И были эти «мишки» под стать древним крокодилам.

Пальцы профессора опять забегали по клавиатуре. Википедия и теперь была готова помочь, и совсем скоро профессор уже бормотал под нос, впрочем достаточно громко, чтобы спутники могли расслышать:

– Гигантский короткомордый медведь; один из самых крупных хищных млекопитающих, обитающих в эпоху последнего оледенения. Высота в холке до метра восьмидесяти сантиметров; выпрямившиеся самцы достигали трех с половиной метров. Весили в среднем около шестисот килограммов, особо крупные экземпляры – больше тонны. Название – понятно... по форме морды, которая, кстати... точнее череп, а не морда, имеет больше общего с крупными кошачьими, чем с современными нам медведями. А это значит... – тут Алексей Александрович оторвал взгляд от экран и бросил его на хищников, застывших за протокой, – что никакая ягода-малина их не устраивала. Только мясо – лошади, бизоны, верблюды. Ну и конечно, человек – те его предки, что обитали на американском континенте.

А потом – примерно двенадцать с половиной тысяч лет назад... ну, вы понимаете, что я имею в виду, короткомордые медведи вымерли. Скорее всего, потому что резко сократилось количество те самых крупных млекопитающих, которыми он и питался.

– Ну эти-то живее всех живых, – опасно добавил Никитин, – худоваты, правда... Видать тут тоже эти самые млекопитающие вымерли...

Тут он осекся, поскольку понял видно, какими млекопитающими могли питаться эти хищники. Тягостную тишину нарушила Бэйла:

– Командир?..

Вопрос она могла задать только один, и касался он, как понял профессор, винтовки Драгунова, которую израильтянка медленно поднимала к плечу.

– Нет! – остановил ее возглас командира.

Еще раньше хищники, казалось такие неповоротливые, исчезли в зарослях. Только двое остались на месте – не самые крупные – те, что, может быть, добровольно подставляли себя под выстрелы. Или так распределялись роли в этой стае мохнатых зверей. По крайней мере ни у кого, включая профессора, не оставалось сомнений – хищники были знакомы с огнестрельным оружием; с результатами его применения...

Автомобиль тронулся в путь – медленно, на расстоянии тех же сорока метров от протоки. Провожали ли их взглядами неподвижные серо-зеленые монстры? Никаких видимых подтверждений профессор не замечал. А вот мишки провожали вдоль берега, держа ту же безопасную дистанцию от своего берега.

– Мы что, – так и будем кататься? – наконец не выдержал Анатолий.

– А что ты предлагаешь? – командир вглядывался куда-то; вроде бы опять в сторону их родного, миоценового леса.

– Давайте начнем выбивать этих крокодилов. Когда-то ведь это придется делать. Почему не сейчас? Ведь там, – тракторист махнул рукой направо – туда, где неторопливо трусили медведи, – может быть люди живые нас ждут.

– Ага, – чуть сварливо, на правах законной жены возразила Бэйла, – а потом эти мишки, а может и кто пострашнее, в два прыжка перемахнут через лужу и окажутся у нас в лесу. Сам ведь сказал, что они голодные. Что они начнут делать?

Вопрос остался без ответа, потому что командир все таки что-то выглядел и резко затормозил.

– Меня больше беспокоят не крокодилы с медведями, а вот это! – он ткнул пальцев в стену миоценового леса; нет не в стену, а повыше нее – туда, где едва различалось взглядом облачко сизого дыма.

Облачко росло и означать это могло одно – в лагере что-то случилось, и чья-то рука (скорее всего это был начальник охраны) подожгла сигнальный костер. Или два костра. Или, что было хуже всего, сразу три, что означало, что дела в русском лагере совсем плохи и требуется немедленная подмога. Два означали опасность, с которой дежурная смена справлялась сама. Единственный сигнальный костер звал: «Ваше присутствие желательно, потому что произошло что-то непонятное, пока не грозящее бедой...».

Разглядеть на таком расстоянии, сколько дымов поднимались в небо, и как они объединились благодаря ветрам над лесом, было совершенно невозможно – до лагеря отсюда было больше двадцати пяти километров. И самый ближний путь (не считая, конечно, извилистых лесных троп, был тот, что вел вдоль крутой стены – почти до самой реки, до Волги, а дальше, по пойме, практически рукой подать.

Алексей Александрович не успел поделиться таким рассуждением. Командир резко, практически на одном месте развернул тяжелый автомобиль и погнал его навстречу стремительно растущей каменной стене. Однако лететь к этой преграде по траве не было никакого смысла – «Эксплорер» круто повернул, как только достиг последней секвойи; вправо вела такая же широкая полоса заросшей равнины.

Профессор украдкой прижал руку к левой стороне груди, где опять кольнуло; скорее это был психологический, а не физический укол – ведь именно здесь, под зловонной хижинкой дикарей он совсем недавно едва не простился с жизнью. Таня-Тамара не пропустила это движение; может быть она тоже почувствовала нечто подобное. Ее рука стиснула другую ладонь Романова, и боль постепенно отпустила.

А внедорожник здесь прибавил в скорости, и прибавил хорошо. Ведь вдоль стены леса уже несколько дней ездили трактор с телегой и легковой транспорт, так что до следующего поворота ничто не должно было помешать «Эксплореру», мчавшемуся сейчас, словно по автобану со скоростью (профессор пригляделся со своего сидения во втором ряду кресел к спидо-

метру) никак не меньше ста километров в час. И этот замечательный автомобиль буквально «проглатывал» все кочки, неся пассажиров ласково и вальяжно.

Вот промелькнули по правую руку развалины валлонского лагеря, чью мертвую тишину уже не нарушало мычание коров; совсем скоро мимо пролетели еще одни каменные останки, помнящие (если верить ламе Севере) в тот числе и пьяные выкрики тайваньских парней. А вот и высокая крыша хижины маньчжурского шамана, бывшего портала, связывавшего когда-то их новый мир с прежним.

– Ничего, – успел подумать Романов, провожая взглядом остроконечную крышу, возвышающуюся над развалинами, – у нас есть другой портал. И пусть никто из нас не собирается бежать из этого мира, сама возможность вернуться... домой, в Санкт-Петербург греет душу.

В последнем перед поворотом лагере развалин практически не было; все сборные постройки и медицинский фургон африканцев уже обрели постоянную прописку в русском лагере. Но именно здесь командир остановил автомобиль, притормозив его перед поворотом. Он легко выпрыгнул в дверцу; все последовали за ним – не затем, чтобы размять ноги, ведь просидели они в салоне не больше пятнадцати минут. Нет – они сгрудились вокруг полковника Кудрявцева, который рассматривал на лишенном растительности пяточке рыхлой земли отпечатки ног. Босых ног. Он медленно поднял голову и, найдя профессора, кивнул:

– Вот они, твои дикари!

Профессор кивнул в ответ, проглотив встречный вопрос: «Почему мои?», потому что раньше прозвучал другой, тревожный возглас:

– Командир!

Кричал Никитин, который единственный сейчас стоял поодаль от группы, у другой такой же проплешины. Тут тоже были следы босых человеческих ног, и Анатолий прикладывал свою, в берце, к одному из них – громадному, наверное в полтора раза превышавшему размерами отпечаток этого самого берца.

А командир вдруг громко выдохнул и уже совсем не тревожным, даже скорее веселым голосом воскликнул:

– Ну что, Анатолий, ждал в гости Николая Валуева? Вот он и прибыл.

Рука его тем временем тянулась вперед – туда, где над русским анклавом выросла темный столб дыма. Один!..

К дому подъезжали медленно, едва фырча двигателем внедорожника. Может потому к ним не повернулся никто из толпы, окружившей кого-то, или что-то за пределами огородов. А может, никто не обратил внимания на автомобиль потому что окрестности заполняла музыка, от которой невозможно было оторваться?

Аккордеон надрывно спрашивал у рябины, что стояла, качаясь; чей-то голос (Лариса Ильина – узнал все-таки профессор) отвечал за рябину, что та никак не может перебраться к дубу, а чей-то многоголосый хор – без слов, одним напевным длинным девичьим стоном подтверждал – да, не пара дубу рябина, как не пара коню трепетная лань, волку ягненок, а русским..., нет – всем людям – вот эти статные полуголые «красавицы», что выстроились перед сидящей на сером кубе (одном из первых образцов строительных конструкций) Ириной Жадовой. Последняя вдруг замерла, остановив меха аккордеона – девушка увидела подходящего командира с товарищами. Она испуганно заморгала и повернула лицо направо – туда, где стоял, наверное самый примечательный гость. В этом гигантском старике, одетом в выделанные звериные шкуры и опирающемся на огромный, явно неподъемный посох, Романов было угадал чьи-то знакомые черты, но эта догадка тут же растаяла, спугнутая строгим вопросом командира:

– Это что за концерт художественной самодеятельности? И почему гости поют голодные?..

Глава 2. Де – правнук вождя

Зверь в логове глухо заворчал. Де тоже ворчал бы, больше того – кинул бы в того, кто посмел разбудить его ранним утром, чем-то тяжелым, что первым попало бы под руки. Но у пещерного льва не было рук; зато у него были страшные клыки и длинные когти, для которых порвать в клочья и шкуры на теле правнука вождя и само тело не составляло никакого труда.

Хо! Пусть этот зверь доберется сначала до тела не-зверя; до его – такого мощного и красивого – тела, или до тщедушного тельца брата по второй матери Лая. Пусть лев попытается преодолеть вроде такую хлипкую преграду – ствол приречного дерева, перегородившего сейчас вход в логово. Бревнышко, зажатое меж камнями так, что предоставляло свободный ход только поверх себя, конечно стремительного броска зверя не выдержит. Но зачем ему, пещерному льву, бросаться на твердый и несъедобный кусок дерева, когда над ним вроде бы достаточно места, чтобы протиснуться наружу и успеть вонзить клыки в сладкую сочную плоть двуногих?

По правде сказать, все это – и бревно, и обманчивую щель над ним, придумал Лай, но кто его будет спрашивать. Победа над ужасным; самым опасным, а потому самым почетным в качестве трофея хищником, все равно будет его – Де, сына Дена и правнука Дената. Дед погиб точно в такой охоте; он так и не стал Деном, оставшись в памяти просто Де... Точнее, ни в чьей памяти он не остался – кто будет помнить о неудачнике, у которого, может быть не хватило отваги или мозгов. А может быть, просто рядом не было такого... признаем – умного брата по второй матери.

Чуткое обоняние не-зверя почуяло терпкий запах льва. Тот был уже рядом с хлипкой преградой; даже вроде бы царапнул деревяшку когтями, отчего она мелко задрожала. Инстинкт наверное подсказывал зверю: неспроста совсем рядом ждут его источающие вкусные запахи двуногие, не надо совать голову в эту щель...

– А сам я, – ощерился про себя Де, – сунул бы голову в эту ловушку? Вот Лай бы не сунул, а я? Нет! Я бы разнес вдребезги эту тонкую деревяшку, вырвался на волю и рвал бы, рвал на части, заполняя сладкой кровью и мясом живот так, чтобы потом можно было в приятной истоме заползти в логово и валять там на мягких шкурах львицу...

Вот между каменным сводом и бревнышком показался нос – черный, блестящий, с шумом втягивающий воздух. Затем – рывком – на бревне оказалась вся голова пещерного льва, огромная, с зачатками гривы. Глаза хищника – почти не-звериные, потому что дикое животное никак не могло смотреть так изумленно, моргнули. А удивляться было чему. Двуногий не-зверь, который должен был сейчас удирать без оглядки от своего неизмеримо более сильного противника, стоял перед львиной мордой на расстоянии двух вытянутых рук. И в этих руках была...

Открывший глаза зверь не успел разглядеть Священную дубину в руках не-зверя, потому что она уже стремительно падала вниз. «Крак!» – с таким же звуком, только намного тише и как-то... беззлобно, что ли, когда-то маленький Де колол камнем лесные орехи. Череп хищника был намного крепче ореховой скорлупы, но и в руках совсем взрослого (двадцать зим!) охотника был не обычный камушек.

Священная дубина представляла собой огромный, весом, наверное с Лая, молот (запретное слово, которое даже наедине нельзя произносить вслух!) из небесного металла (еще одно такое же!) – единственный такой предмет в племени. Да что там говорить – во всех племенах не-зверей, которые время от времени приходят на их родовой холм, на который когда-нибудь волчица принесет двух младенцев (так говорит прадед); приходят, чтобы поклониться эти самым священным вещам – дубине (молоту), который сегодня Де взял в руки в первый и в последний раз в жизни, двум мешочкам с едва угадываемыми в них камнями, которые пра-

дед никогда не доставал – по крайней мере на глазах у правнука. Наконец третьими, не такими загадочными, предметами поклонения были еще два мешка из шкур. Эти были побольше, и в них хранились желтые кружочки с нацарапанными на них закорючками – совершенно одинаковые и почти невесомые.

По крайней мере когда вчера вечером прадед достал из меньшего мешка один такой кружочек и положил его на широкую ладонь, веса ее Де почти не ощутил. А Денат ловко подцепил кружочек и бросил его в мешок. С грустным лицом – Де впервые видел такое выражение у сурового прадеда – он сказал:

– Скоро еще один кружочек брошу я в этот мешок (он шевельнул тот, что был наверное впятеро больше первого) и в первом станет на один меньше.

– Но когда-то он совсем опустеет? – задал совершенно естественный вопрос правнук.

– Да, – кивнул вождь, – и тогда не-зверей не станет на этой земле.

– И кто же тогда будет убивать пещерных львов, кто будет жить на этом холме?

– Не знаю, – признался в своем незнании вождь – тоже впервые на памяти правнука, – кто-то придет нам на смену; может те четверорукие и хвостатые, которые не боятся прогневить Спящего бога; которых завещал опасаться великий предок Денатурат.

Имя священного предка прадед произнес, как всегда, с благоговением. Вообще-то оно тоже было под запретом, но только не для вождя. А потом... потом прадед произнес чудовищные, в понимании Де, слова:

– Совсем скоро ты, мой правнук и мой наследник, бросишь одну монетку в другой мешок. Да, – ответил он на невысказанный вопрос Де, – Мина понесла от тебя, и нам уже сейчас надо искать вторую мать для твоего сына.

Де, глухо замычав от ярости, обиды и раздражения, выскочил из родовой пещеры, которая была здесь, на склоне холма, куда когда-нибудь волчица принесет двух младенцев, с незапамятных времен – может быть со времен самого Денатурата! И ярость молодого не-зверя была понятна. Теперь ему нельзя было валять на мягких шкурах подруг – а до сегодняшнего дня все девушки и женщины в племени, да и в других племенах тоже, могли и обязаны были принадлежать ему – по первому зову, в любое время и любом месте.

Такое право молодой не-зверь считал самым приятным в положении члена Рода, которых – членов – было под небом всего трое. Он сам, прадед и отец Ден, которого вождь давно перестал воспринимать как своего преемника. Наверное потому, что Дена больше волновали не дела Рода, а дела племени; слишком он стал близок в низшим не-зверям и слишком далек от деда и сына. Но это его дела. А вот как быть Де? Как он будет обходиться без покорных ласк девушек, без их первых испуганных вскриков, без их неистовых ласк потом, когда они понимали, что лучшего мужчины, чем Де, среди не-зверей нет?

Нарушить запрет? Де содрогнулся всем телом. Он вспомнил, как его, мальчишку шести зим прадед взял поглядеть на остатки племени, нарушившего запрет; как он стоял вокруг окровавленных кусков низших не-зверей (ну это-то было совсем ерунда – одним племенем низших больше, одним меньше) и как зачем-то вернулась на эту бойню та, что учинила тут разгром. Седая медведица, палач Спящего бога.

Ее никто не видел, кроме мальчика, в свои шесть лет почти догнавшего ростом взрослых низших. Медведица не тронула его, только зевнула протяжно своей длинной волчьей пастью и заглянула в глаза Де. Этот взгляд не-зверь помнил до сих пор; помнил обещание того необъятного ужаса, который ждал персонально его в случае нарушения запретов, которых, кажется, было в их жизни больше, чем разрешенного.

Так что нарушить табу он не посмеет. Как-то переживет. А копившуюся злобу и нерасстраченную внутреннюю энергию, которую до сих пор расходовал на покорных низших, будет изливать как-то по другому. Хотя бы вот так!

Тяжеленный молот поднялся и опять обрушился на полурасплющенный череп уже мертвого льва. Де колотил по нему, не замечая тяжести орудия, пока бревнышко, до сих пор пружинящая под его ударами, не переломилось пополам. Тогда он отошел в сторону и сел, лоснящийся мокрыми плечами в лучах восходящего солнца.

Теперь очередь потрудиться перешла к низшему брату. Тот еще как-то осилил две половины бревна, с трудом выдернув их из-под мертвого хищника. А вот сам лев...

Правнук вождя усмехнулся и все таки встал, понаблюдав немного за тщетными потугами коротышки. Он отодвинул Лая в сторону и рывком выдернул тушу хищника наружу, не побоявшись испачкать руки в крови и мозгах пещерного льва.

– Что значит не побоявшись? – спросил он вдруг себя, – я никого и ничего не боюсь! Кроме прадеда... немного, и Седой медведицы.

Он снова содрогнулся всем телом и, поставив ногу на недвижимое тело льва, поднял голову навстречу солнцу. Окрестные холмы озарил яростный крик двуногого хищника, в котором была большая доля звериного, несмотря на то, что парень гордо называл себя не-зверем...

Вечером был пир. Прадед даже разрешил готовить праздничные блюда в своей пещере – тут многие запреты снимались, и в очаге мясо поливалось изумительным настоем трав, от которых мясо хотелось есть и есть, пока тяжелый живот не потянет сам набок, на мягкие шкуры, где так хорошо... Нет, об этом лучше не думать, так же как о Мине, устроившей ему такой неприятный сюрприз, о сыне (конечно будет сын, а кто же еще, если за тысячи поколений не было ни одной женщины-высшей), которого он даже не хотел себе представлять. Любил ли он его так, как любят беззаветно своих щенят дикие звери? Он не дикий. Он не-зверь! И сам будет решать, кого ему любить, а кого нет. А пока он лучше понаблюдает за прадедом, который сидел в своем углу, на почетном возвышении, и... вдруг начал заваливаться назад.

Правнук первым оказался у тела, возбужденный, не знающий – радоваться тому обстоятельству, что он, кажется станет главой и этого, и всех остальных племен низших не-зверей, или страшиться этой ответственности. Он не успел дотронуться до прадеда, потому что тот оттолкнулся от стены своей опять обретшей упругость спиной, и поглядел с усмешкой и... все таки с благодарностью, на правнука, первым метнувшимся поддержать его. Его суровое лицо тут же стало еще суровей, почти сравнявшись застывшей непреклонностью с серым камнем позади него. В свете яркого огня костра его глаза казались полубезумными; корявые в тех же метущихся отблесках пальцы вытянули из под шкуры на груди (впервые в жизни, по крайней мере на памяти двадцатилетнего не-зверя) еще несколько – тоже явно священных – предметов: нанизанные на толстые нити бусины разной величина и цвета. Пальцы начали перебирать эти округлые камни, пока не нащупали самый темный, и прадед наконец заговорил. Заговорил торжественным и одновременно безысходным голосом:

– Спящий бог проснулся. И прислал под наше небо свою Седую медведицу... И еще другие чудовища, чтобы... Не знаю, не пойму зачем...

– Какое племя мы будем оплакивать? – это отец задал такой нужный сейчас вопрос. Нужный, в смысле – не к нам ли направляются эти чудовища?

Корявые пальцы опять заелозили по груди. Это длилось долго, нестерпимо долго – так что костер почти прогорел. И никто без разрешения вождя или его потомков не решился встать, чтобы подкормить жадное пламя сухими ветками.

– Вот! – наконец произнес прадед. Во тьме угла не было видно его лица, какая гримаса – радость или ужас исказили его голос, который Де не узнал бы, если бы не видел своими острыми глазами, как едва шевелятся губы Дената:

– Придет Великий охотник... Должен прийти, со своим племенем. И Спящий бог... боится его прихода (в голосе говорящего теперь было великое изумление). Потому шлет против него такие силы, каких не было еще одновременно под нашим небом никогда..

– Я! – вскочил неожиданно для себя Де, – я Великий охотник.

И действительно, разве не он сегодня поразил единственным ударом пещерного льва, разве есть у него противники на холмах, и далеко за их пределами? Прадед устремил навстречу ему недоумевающий, а потом разгневанный взгляд, и... какая-то чудовищная сила вдруг снесла парня на каменный пол – на глазах у низших не-зверей. Его, одного из трех высших! Де вскочил, готовый рвать на части любого, и... опустил тяжелые кулаки, наткнувшись еще на один взгляд, теперь насмешливый. Это Ден, отец, наградивший его оплеухой, чего не делал никогда в жизни, стоял перед ним, огромный и несокрушимый в пламени снова ярко вспыхнувшего костра.

– Убить зверя – даже мохнатого длинноносого великана или владыку пещерных львов трудно, но можно. Но этого мало, чтобы стать Великим охотником. Для этого надо...

– Что для этого надо? – Де устремился всей своей сущностью к отцу, тоже наверное впервые в жизни.

– Для этого надо, чтобы не ты сам, а другие признали, что ты Великий. Не сказали, а признали – всем сердцем. Ты готов ответить на этот вопрос?

Молодой не-зверь оглядел лица соплеменников – сначала низших, которые прятали взгляды, даже Лай; только Мина дерзко смотрела, не отводя глаз, в которых он прочел: «Нет, ты не Великий охотник.. И никогда им не станешь!»

Потом парень взглянул на прадеда. Тот ответил немного виноватым, но так же решительно отказывающим в праве именоваться Великим, взглядом. И Де побрел из пещеры, в которой он провел все эти годы, как оказывается самые счастливые в его жизни. И уже сидя на холодном камне, под яркими звездами он поклялся, что пройдет время, и эти звезды будут светить или ему, или неведомому Великому охотнику – другого не дано.

А утром прадед объявил волю предков – племя покидает священный холм, на который волчица когда-нибудь принесет двух младенцев, и направляется навстречу судьбе, навстречу великой битве со Спящим богом, в которой все племя, и наследник Де в том числе (тут прадед строго поглядел на правнука) выступят на стороне Великого охотника.

– А когда Спящий бог будет повержен, – мрачно улыбнулся Де, – Великий охотник тоже может умереть, неважно по какой причине и от чьей руки.

Он успел заметить такую же ухмылку прадеда, и внезапно успокоился – понял, что замыслы вождя не сильно отличаются от его собственных. Потому он не сопротивляясь принял на себя обязанности, возложенные на время похода отцом, у которого (тут прадед и правнук не сговариваясь согласились) отлично получалось руководить племенем по хозяйственной части.

Священная дубина (молот) в пути конечно не подарок; надоела уже в первый день, за который Де успел и налюбоваться на зеркально-чистую поверхность металла, и ощупать все неровности рукояти, особенно каких-то царапин, глубоко вдавленных в этот неизвестный материал – не камень, не дерево – удивительно прочный, который не брал даже кремневый нож не-зверя. Царапал, точнее пробовал царапать эту рукоять Де, конечно же украдкой, чтобы не увидел кто-нибудь, а особенно прадед.

Но прадед не замечал ничего вокруг; он тяжело шагал, перебирая опять пальцами те самые бусины – теперь он не прятал их от взглядов окружающих. И были эти бусины – точно! Были они из того самого материала, что и рукоять Священного молота. Только какая же сила смогла просверлить в этом материале, не поддающемся даже острейшему ножу, отверстия? Кто мог сотворить такое? Разве только сам Спящий бог? Или великий предок Денатурат, не побоявшийся сразиться с этим самым богом?

Но если великий предок не смог победить его, как это сделает Охотник? В голове окончательно запутавшегося парня загудело, а тут еще круглые от изумления и страха глаза Лая, углядевшего оказывается его попытки поцарапать священный предмет.

– Не гляди, куда не надо, – злорадно подумал Де, вручая брату по второй матери молот, – сейчас у тебя глаза совсем на лоб вылезут.

Сам он умчался вперед, с копьем, не дожидаясь, что скажут на его самовольство прадед, а тем более отец. Высшие ничего не сказали, когда племя дошагало неторопливо до уютной долины, где Де уже разделявал огромного оленя.

А потом был еще один день, еще, и еще, и еще. Менялась только погода – все чаще лили дожди и жарче грело солнце. Добычи в новых краях было не меньше, чем в родных холмах. Потом ее стало столько, что уходить далеко от племени больше не требовалось. Зато появились хищники. И падальщики. Последние уже не скрывались – тащились за племенем, подбирая то, что оставалось на временных становищах. А оставалось много, потому что добыча сама шла в руки, а останавливаться хотя бы на день вождь запретил. Так они и брели – не быстро и не медленно; так, как позволяла старость вождя. Он действительно сдал на глазах; высох – но огонь в глазах горел только ярче.

Пару раз попались мохнатые длинноносые. Не такие, какие забредали на холмы в суровые зимы; много крупнее. И длинных зубов у этих великанов было не два, а четыре, и нижние были плоскими – такими легче выкапывать сладкие корни, объяснил Лай – и отец одобрительно кивнул, соглашаясь. Конечно, на этих великанов племя не охотилось – кому хочется попасть под ноги, подобные стволам самых толстых деревьев? Но один раз на пути племени попался полуобъеденный костяк такого зверя, от которого порскнули во все стороны маленькие рыжие хищные зверьки; вот там брат по второй матери и объяснил что к чему. За это он тащил тяжелый молот дольше обычного.

Все чаще взгляд Де останавливался на животе Мины – тот стремительно рос, но пока молодая женщина еще скакала наравне с подругами, подобно годовалой оленихе, совсем как та, которую парень заколол сегодня копьем, выпрыгнув из засады. Он мог, конечно, и догнать животное – длинные ноги и могучие легкие позволяли, но кто же так поступает? Всем известно – как раз у этих зверей во время длинного бега в жилы изливается горькая жидкость, и есть такое мясо можно только во время великого голода. «А потом, – подумал он, – надо же тренироваться наносить разящие удары из засады... ну да, исподтишка, в спину не ждущего удара противника, – не стал он скрывать от себя подленькой мысли, – если уж по-честному, лицом к лицу не получится». И мысль эта не ужаснула парня.

Он наконец-то определился и со своим отношением к будущему сыну – равнодушие. Полное равнодушие, есть он или нет. Самое главное – сам высший не-зверь Де, будущий Ден. Одна буква к имени – все, что ждал правнук вождя от своего ребенка.

Потом прадед зашпешил; остановки стали короче, переходы длиннее. Мина уже не скакала так; брела едва ли не тяжелее восьмидесятилетнего вождя. Брела, цепляя босыми ногами горячий песок. Да – вокруг широкими полосами перемежались заросшие травой луговины и непонятные и неприятные глазу, а пуще того, ступням, целые отвалы звонкого песка, которым наверное, можно было засыпать все священные холмы.

Нет, пески не пели – до тех пор, пока однажды не задул ветер – резкий, порывами – который внезапно закружил вихрем, мгновенно скрыв в непроглядной колючей мути все племя. И Де самым постыдным образом испугался – испугался того, что так и будет кружить с закрытыми глазами до окончания последних зим, даже после того, как последний желтый кругляш упадет в большой кожаный мешок.

Но песчаная буря кончилась, а племя не досчиталось пятерых не-зверей – всех низших. Мужчину, двух девушек и двух детей. Их не было жалко, по крайней мере молодому высшему; он искренне не понимал, чему так сокрушается отец. Нарожают еще – что им, низшим; на них ведь запрет не распространяется. А прадед, словно послушавшись Дена, резко повернул налево, отклоняясь от курса, по которому гнал племя.

Через день путь им прекратила река, несшая свои воды назад – туда, откуда они пришли. Денат целый день качал недовольно головой; он словно не верил своим глазам. Молодой высший тоже решил разобраться – приглядывался к берегам, пытался высмотреть в воде неведомых монстров. А понял раньше опять таки Лай:

– Кажется, эта река течет вспять; раньше она текла в том направлении, – низший брат махнул туда, куда брело племя, подгоняемое вождем.

Де сначала удивился такой длинной и связной фразе – подобная речь тоже была под запретом. А потом понял – Лай был прав. Тогда возникал другой вопрос: «Как же она текла туда, если впереди встают неприступной громадой горы?». И опять сын второй матери поразил его, задав свой вопрос, много практичней:

– А как мы преодолеем эти горы?

Де оглянулся на Мину, которую как-то придется переводить, а может быть переносить через заснеженные – видно даже отсюда, за много переходов – перевалы. А без нее не будет нового имени, не будет еще чего-то существенного, чего он пока не понимает... Кто виноват? Конечно Великий охотник, ведь именно его появление сорвало с места племя.

Наутро племя разбудил взволнованный возглас караульного. Он таращил глаза и тянул руку назад – туда, откуда они пришли вчера. На месте покрытой травой степи там гуляли волны. Противоположного края неведомо откуда взявшегося пространства, заполненного соленой, противной на вкус водой не было видно, как бы не вглядывался туда парень. Если бы там были такие же горы, какие ждали их впереди, может быть не-зверь и определил бы, сколько переходов отделяет его от места, от которого можно было бы вернуться на родные холмы. Теперь же дороги домой не было. И это тоже зачтется Охотнику.

А прадеду теперь было все равно, его гнала вперед только одна мысль – успеть на Великую битву. Но рассудка он не потерял. Дал отдохнуть племени перед горным переходом; женщины наготовили мяса, добытого молодым высшим; воду решили не брать – поначалу переход продолжится вдоль одной из бесчисленных горных речек, которые сливались в долине в одну большую, поменявшую каким-то образом свой извечный путь, а дальше – дальше будут снега, которые они или преодолеют... или снега одолеют их.

Преодолели не-звери. Последние полперехода Де тащил Мину на спине – спиной к спине, потому что своим огромным животом она не могла прижаться к его крепкому хребту, а держать ее на руках парень не мог. Он обдирал ладони об острые льдины, стараясь уцепиться железными пальцами в каждую трещину. А ведь еще тянул книзу тяжеленный молот у пояса. А Лай? Он сам едва передвигался, но дотерпел, упал уже внизу, на мягкую теплую траву. Рядом повалилась сразу половина племени; остальные остались в горах. Лишь трое высших стояли на ногах. И крепче всех, признал Де, его отец. Может потому, что он шел налегке?.. Вторая половина племени осталась в горах навсегда. Но высшему и теперь было все равно. То, что как-то волновало его, он принес сюда собственными руками.

Мина и молот лежали рядом – мертвое оружие и живая женщина; пока живая женщина. Потому что мать высшего всегда умирала при родах. Это не было традицией, это было данностью – маленькая женщина из низших могла выносить крупного ребенка, но разродиться сама не могла. И тогда в ход шел каменный нож вождя – бережный к потомку, но безжалостный к женской плоти. Так что сейчас молот был для него важнее: он даже представил, как это священное оружие летит, вращаясь, прямо в ненавистный затылок... Де даже закрыл глаза в сладком ужасе – он вдруг понял, что видит картину будущего, что прадед не врал, что стоит только захотеть – захотеть до ужаса, почти до собственной смерти – и можно увидеть грядущее, и даже... управлять им. Но это дано немногим; вот великий предок умел. Но даже это не помогло ему в битве со Спящим богом.

Теперь перед ними лежала равнина; и по ней тоже протекала река, берущая свое начало высоко в горах. Вдоль нее племя – его остатки и пошло. В первый же вечер со старым вождем

произошла еще один странный случай – подобный тому, что случился в родной пещере. Только здесь не было надежных каменных стен, так что Денат опрокинулся на спину. А когда успевший теперь первым Ден (его сын даже не тронулся с места) помог подняться деду, все поразились. Сейчас перед костром сидел не вождь; сидел просто глубокий старик – пусть огромный, крепкий еще – но старик. И старик невероятно счастливый – до слез, которые текли из глубоко сидящих глаз и пропадали в глубоких морщинах.

– Все, – выдохнул он наконец, – нет больше Седой медведицы! Убили ее.

– Кто? – оживился Де, – Великий охотник?

– Какая разница? – махнул рукой вождь.

– Нет, – решил про себя его правнук, – еще и этот кусок славы тебе, Охотник... А впрочем – спасибо тебе на этом. Значит медведицу можно не ждать? Значит запретов больше нет?

Он встал и направился было к низшим – туда, где сегодня не одна и не две красавицы вспомнят, что в племени есть высший не-зверь, который очень соскучился по их ласкам. Не дошел. Потому что на его пути выросла громадная фигура отца, которого смахнуть с дороги не позволяли ни традиции, ни хмурый взгляд прадеда, ни... И желания особого, в общем-то не было – с удивлением понял он. Нет желание как раз было – жгучее, сжигающее изнутри, но к красавицам из низших оно никакого отношения не имело...

Путь вдоль реки оказался не так уж и безопасен. Здесь тоже были крупные животные – хотя бы те же плоскозубые длинноносые великаны, но от четвероногих племя, хотя и сильно уменьшившееся и измотанное долгим переходом, могло отбиться – выставив вперед цепь ощерившихся копытами охотников. А вот в реке таились неизведанные и гораздо более опасные твари.

Когда рано утром одна из девушек зашла в реку по колено, чтобы набрать в долбленку воды почище, рядом вдруг все вскипело множеством брызг и водоворотов; несчастная низшая успела только коротко вскрикнуть, а бросившиеся было на подмогу охотники замерли в ужасе – сквозь брызги и пену были хорошо видны длинные и толстые руки черного цвета; нет, не руки – словно огромные змеи обвили девушку и утянули ее в темные глубины так быстро, будто ее и не было. Быстро успокоившаяся река опять неторопливо несла свои воды вниз, и туда же брели не-звери, для которых вода теперь тоже стала добычей – не менее опасной, чем дикие звери. К исходу двух рук ночей впереди показалось темная громада леса – не те хлипкие приречные заросли, из которых и костра-то настоящего не разведешь. А когда еще через одну руку племя достигло этого леса, Де не хотел верить своим глазам – деревья тут стояли настолько громадные и величественные, что первый шаг под них хотелось сделать с поклоном – так же, как в пещеру предков.

– Стой! – Де так и не успел сделать этого шага, потому что прадед окликнул его с вернувшейся силой и властью в голосе; правнук оглянулся – в лице старого высшего страх явно пересиливал любопытство, – это родовой лес Седой медведицы!

И Де не рискнул, опустил ногу, так и не переступив незримую черту. Потому что понял – из-за каждого ствола, с каждой мохнатой вершины ему будет чудиться взгляд чудовищной твари; и одно это ожидание будет способно свести его с ума.

А дед скомандовал: «Вперед!», – и еще долгие часы – до самого солнцестояния в верхней точке небосвода не-звери брели, бросая жадные и испуганные взгляды в чашу. Скоро шаги сами собой стали тверже, а руки охотники крепче сжали копыта; Де отобрал у Лая Священный молот. Потому что впереди показалось что-то необычное, явно не созданное природой – так ровно и однообразно творить она не могла.

Прозрачная, словно сотканная гигантскими пауками преграда песочного цвета заставила идущего впереди племени младшего высшего повернуть налево, от леса. Преграда была достаточно хлипкой и снести ее правнук вождя мог даже без молота, но совсем рядом о чем-то кричал ее хозяин (или один из хозяев), который взобрался на высокий помост, скорее даже

хижину на четырех длинных столбах. Кверху тянулась лестница, по которой этот не-зверь и взобрался... Погодите! Это существо наверху не было не-зверем! Оно ходило на двух ногах, было одето в какие-то гладкие шкуры и тянуло вперед какое-то совсем не острое корявое копьё из... Металла! Из проклятого металла, одно упоминание о котором обычно заканчивалось изгнанием из племени! И это в лучшем случае.

Де оглянулся на прадеда с беспомощным видом – совсем как в детстве – а тот сам с потрясенным видом смотрел, как незнакомец приложил к губам какой-то прямой рог из желтого... тоже металла! И вот уже широкую пойму заполняет рев длинноноса, если бы у того могло быть металлическое горло.

Совсем скоро незнакомцев стало много – и мужчин и женщин, которые – признался себе не-зверь – несмотря на инородность, выглядели значительно соблазнительней низших девушек. Если кого и можно было сравнить с быстроногой ланью – так это вон ту светловолоску; а вот эту черноволосую красавицу со строгим неприступным лицом он сравнил бы с грациозной и опасной пантерой, а...

Сухой кашель прадеда вернул погрузившегося в сладкие грезы парня к суровой действительности – за песочной паутиной было больше чужаков-охотников, и они тыкали вперед свое несуразное оружие из дерева и железа с такой уверенностью и бесстрашием перед ним, потомком Великого предка, перед прадедом и отцом, превышающими этих задохликов на пять, а может и все шесть ладоней, а в плечах... – и сравнивать смешно! Только совсем не смешно было заглядывать в темные отверстия странного оружия, откуда наверняка и могла вылететь смерть – в виде молнии или еще чего пострашнее.

И это тоже доказывало бесстрашие, ну или скудоумие незнакомцев – ведь метать оружие чем либо иным, кроме собственных рук, было запрещено.

Незнакомцы, между тем, появились и за пределами ограды. Впереди шествия двигался какой-то странный зверь (верблюды!), тянущий за собой что-то невероятное – какой-то помост на... этим круглым штукавинам у Де не было названия; но они катились вперед так, словно круглый камень с горы. Рядом восхищенно ойкнул Лай. Брат по второй матери вообще любил все необычное; он частенько ходил по грани дозволенного, и если бы не тень грозного высшего брата за спиной тщедушного низшего, его давно бы побили камнями. По крайней мере не-зверем он бы уже не был.

А шустрые незнакомцы сгрузили со своего катящегося насеста еще более странный предмет – помост на четырех... ногах из гладкого дерева, и быстро заполнили его снедью в идеально ровных посудинах. Посудинах ярких, цветных и необычайно крепких, потому что когда одна из незнакомок – та самая, с властным взглядом, приличествующим скорее кому-то из высших, неожиданно уронила одну посудину на землю, та не разбилась, хотя выглядела хрупкой и тонкой. Нет, тонкой она не выглядела – она была тонкой – совершенно не сравнимой с грубыми поделками мастеров его племени.

Одна из девушек позади вскрикнула, когда посудина упала на утоптанную землю, а затем в восхищении простонала – ее наверняка поразила если не удивительная красота поделки, то не менее изумительная прочность. Но Де не повернулся к несчастной, посмевающей издать звук раньше, чем на то последует разрешение высших. Потому что он сам упивался необычными и восхитительными запахами, которые ветерок донес до его носа. Это было мясо, но какое мясо! Изумительное, волшебное от которого он... и сам бы отказался, даже без неодобрительного ворчания прадеда позади – после того, как сразу у нескольких низших заурчало в животах. Может это мясо готовили вон на том костре, что исторг сейчас невдалеке целый столб темного дыма?

Волшебству Де не доверял ни в каких его проявлениях, а этому, инородному... Нет, он лучше пойдет и заколет копьём одного из тех оленей, которые совершенно бесстрашно пасутся недалеко. И пусть незнакомцы сами травятся своими волшебными кушаньями.

Незнакомцы травиться не захотели. Один из них сгрузил какой-то серый камень; сгрузил чрезвычайно легко для камня такого объема. Или парень-чужак был невероятно силен, или этот идеально ровный камень был сродни тем, что приносили из дальнего племени – пористый, легкий; которыми иногда терли его ступни, покрытые толстой ороговевшей кожей, низшие девушки.

На камень села очередная красавица. Эта смотрела на не-зверей, особенно на высших, с заметным испугом – и Де это понравилось. Значит, незнакомцам тоже ведом страх и сомнения. Он даже оглянулся, чтобы поделиться таким наблюдением с вождем, но тому было не до правнука. Денат с мистическим ужасом на лице не отводил глаз от плюгавенького незнакомца – того, что привел сюда верблюда. Незнакомец и сейчас стоял рядом с горбатым животным, бесстрашно держа рукой веревку прямо у рта зверя, жующего свою вечную жвачку.

Молодой высший тоже взгляделся в его круглое лицо. Совершенно обычное... нет, необычное в своей чужеродности, но такое же, как у его соплеменников лицо, с детской непосредственностью и любопытством рассматривающее не-зверей. Вот его взгляд остановился на Де и тот тоже вздрогнул! Не от страха – какой страх мог привести в мир не-зверей этот коротышка – от неожиданности. Потому что в лице незнакомца явственно проступило что-то знакомое; мистически знакомое, сидящее в самом нутре высшего, отчего Де захотелось припасть к этой щедеврой груди.

И в это время мир наполнило нечто божественно прекрасное – девушка на камне развернула что-то блестящее, большое; с черной кожей посередине, сложенной аккуратными складками, которые складывались и раскладывались и, наверное они-то и исторгали наружу удивительные звуки, какие ни один не-зверь никогда не слышал.

Потом в груди защемило, потому что звуки стали печальными настолько, что Де забыл и об Охотнике, и о прадеде, даже о Спящем боге, появления которого так страшился и ждал. К чудесной мелодии присоединился голос – такой же чистый и печальный. Молодой высший закрыл глаза и не заметил, лишь ощутил по шуршанию одежды, как его обходят соплеменники, точнее соплеменницы, потому что когда черная кожа замерла, а вслед за ней пропали и волшебные звуки, и голос еще одной чужачки – той самой светловолоски – между Де и девушкой на камне выстроилась целая шеренга низших девушек. И они явно ждали продолжения зрелища, не обращая никакого внимания на высшего.

Будущий вождь не успел возмутиться – черная блестящая кожа снова развернула свои складки, и грусть опять охватила душу парня; а когда к голосу светловолоски присоединились не такие мелодичные, но старательные и проникновенные голоса соплеменниц, он вдруг явственно представил себе реку с чудовищем в водах и охотника, который никак не может перебраться на другой берег, где ждет его любимая девушка...

Кожаные складки замерли; растаяли в тишине и божественные звуки. Те немногие подвывания не успевших остановиться соплеменниц теперь только терзали слух. Но вот умолкли и они, и все повернулись к незнакомцам, вылезавшим из большой черной хижины, неведомо как появившейся в тылу племени. От нее резко пахло – той самой темной тягучей жидкостью, озеро из которой племени пришлось обходить руку ночей назад. Лай даже сунул руку в нее, за что получил по затылку от каждого из высших.

Хижина на таких же круглых непонятных штуковинах нестерпимо блестела на солнце и была – Де почувал это нутром – металлической! И на вылезших из нее чужаках и чужачках тоже было достаточно металла, а еще – высший не верил своим глазам – на боку у первого, шагнущего к не-зверям, висел какой-то предмет, явно сотворенный из того же чудесного материала, что и рукоять Молота.

Но этот незнакомец подождет! Гораздо опаснее выглядит тот, что вырос за его спиной. Вот этот может сравниться статью с высшими. Конечно помельче его самого, и какой-то слиш-

ком... ну красивый что ли, стройный и утонченный. Великий охотник! Вот сейчас и посмотрим, кто кого. Де ухватился покрепче за рукоять Священного молота...

Глава 3. Полковник Кудрявцев. Сила есть – ума не надо!

– Кого-то он мне напоминает, – остановившийся рядом с командиром Никитин показал на высокого старика, опиравшегося всей массой на крепкий посох, – Велеса, или, может, Чернобога?

– Ты, Толик, наших древнеславянских богов не оскорбляй, – возразил ему профессор Романов, – я бы сам назвал этого «товарища» Франкенштейном.

– Точно, – обрадовался подсказке тракторист, – они все трое какие-то... ненатуральные. Клоны. Только больно громадные. С такими наверное даже Марио не сладит.

– С кем это я не слажу? – рядом нарисовалась внушительная фигура Грассо – пока еще Грассо. Полковник совсем не удивится, если в лагере скоро появится еще один Ильин. С Ирины станется.

А итальянец признался:

– Да, таких парней я еще не встречал, – он показал пальцем на самого младшего из великанов – того, что сжимал в руках огромный молот.

– Даже если это орудие было из обыкновенного железа, весить оно должно никак не меньше двух пудов, – решил Кудрявцев, – но это не железо. Железо так ярко сверкать не будет. Или эти дикари научились изготавливать нержавейку?

Командир быстро оглядел ближайших «гостей» и поразился. Этот громадный молот был единственным металлическим предметом у них! По крайней мере сам он металла в руках дикарей больше не увидел. Не углядел и много из того, что должны были иметь при себе чужаки. Из оружия – ничего метательного; только нескладные тяжелые копья с каменными наконечниками; ножи – тоже каменные; никаких украшений на женщинах и девушках, а ведь это женщины! Забитые какие-то, командир даже сказал бы слабоумные – все поголовно – если бы не видел, что дебильное выражение на вполне себе европейского типа лицах скорее напускное, прилежно наложенное согласно каким-то нелепым правилам и законам. И сквозь него нередко пробиваются острые осмысленные взгляды; а сквозь неприкрытый страх проглядывает обычное человеческое любопытство.

Не человеческое! Ведь это неандертальцы. И командир, как бы не хотел преодолеть иррациональное чувство, признался себе – он никогда не признает эти существа за своих. Рядом опять заворчал тракторист:

– Товарищ полковник, вам не кажется, что тут собрались одни дебилоиды. Как сказал бы один известный юморист: «Идиотов куски».

– Нет, – профессор Романов на этот раз оказался наблюдательней, – по-моему, они просто притворяются. Маски надели этих твоих... дебилоидов.

– Точно, – поддержала его Таня-Тамара, – и маски эти им надоели. Посмотрите вон на того парнишку.

Командир проследил направление ее пальца. Рядом с младшим великаном, теперь играющим небрежно своим «молотком» и не сводящим взгляда от разведгруппы, стоял еще один парнишка, вдвое меньший размерами. И этот, как видно, свою маску сбросил окончательно. На круглом лице играло жгучее любопытство и он явно был не против подойти познакомиться; вот только взгляды, которые он бросал на великанов – на молодого соседа, а пуще того на старика, застывшего мрачной скалой посреди своего племени, показывали – без их разрешения этот малыш не сделает вперед ни шагу.

– А разрешения такого не будет, – понял командир, всмотревшись, в свою очередь в лицо старого вождя, изборожденное глубокими морщинами, – и все таки он на кого-то похож; может картину какую видел или статую?

А вниманием тем временем опять завладел молодой великан.

– Хо! – крикнул он громко, и добавил несколько каркающих звуков.

Перевести эти слова – если это действительно были слова – не мог даже профессор Романов. Но и без перевода было понятно – это вызов. И среди людей нашелся смельчак, принявший его. Марио, конечно. Кудрявцев не стал останавливать парня, только предупредил:

– Ты там осторожней, с кувалдой. Не смотри, что она тяжеленная – этот громила ей как тросточкой может работать.

– Ничего, – засмеялся итальянец, – меня уже били по голове дубинками. Живой, как видите.

Ирина дернулась было вслед за мужем, но ее задержала рука командира, а больше его команда:

– Оксана, Бэйла – страховка... А ты, – он повернулся к Ильиной, – дай мне одну обойму.

Ирина, не сводя глаз с Марио, вытянула из подсумка обойму с патронами к «Вепрю» и положила ее на ладонь полковника, который, благодарно улыбнувшись, начал их выщелкивать. Марио и его соперника он, конечно же, не выпускал из виду. Потому и кивнул еще раз, когда неандерталец вдруг издевательски ухмыльнулся и отбросил свой молот в сторону. Туда тут же метнулся его мелкий напарник; теперь его лицо заполнял неприкрытый ужас – видно это орудие было для дикарей священным. Вот и лицо старого вожака совсем закаменело, и любопытство на многих других лицах опять сменило скудоумие.

Гигант теперь ухмылялся так, словно понял, что вместо чемпиона мира против него выставили третьеразрядника – причем в юношеской категории. Этой пренебрежительностью Марио и воспользовался. Он не стал жать, пока зрители оценят, насколько неандерталец выше него (а выше он был на голову) и шире в плечах – тут итальянец мог поспорить с дикарем, но только плечи эти были разные: мощные, тренированные и гладкие у итальянца и узловатые, несокрушимые без всяких тренировок у дикаря. И кулаки у противников были сопоставимы только по размерам. Сравнить же их крепости и стремительность... полковник все же поставил бы на неандертальца.

А тот словно не ждал от Марио никаких неприятностей. Даже выпятил вперед обнаженный живот – бей! И Грассо ударил – с размаху, прямой правой; готовый добавить потрясенному сопернику с левой, и опять правой, и... И здесь правила бокса не играли. Потому что первый удар пришелся словно в каменную стену. Стена эта не шелохнулась, а Марио даже поглядел недоуменно на свой кулак; вроде даже собрался подуть на него. Разве можно позволять себе такое в поединке!?

Несокрушимая неандертальская стена исторгла из себя конечность – тоже правую руку, даже не зажатую сейчас в кулак, и так – открытой ладонью – буквально смела итальянца в сторону. Это был чистый нокаут. Дополнительного удара не требовалось, но дикарь сделал шаг в сторону поверженного соперника и... в недоумении остановился.

Потому что перед ним выросла; нет так сказать про крепкую, но совсем невысокую фигуру тайского чемпиона сказать было нельзя – возникла фигура Самчая. Неандерталец даже помотал головой; может он принял его за своего спутника? Но нет – вон коротышка, прижимает в стороне к себе молот.

Самчай паузой гиганта не воспользовался; может тоже понял, как и Кудрявцев, что эта небрежность дикаря к противнику мнимая; что тот оценил и плавные движения чемпиона, и его уверенную, чуть снисходительную улыбку, и вот это движение ладони тайца: «Давай, мальчик, нападай!».

На мальчика дикарь не был согласен. Коротко взревев, он сделал обманное движение влево, нанося одновременно еще один удар правой ладонью – точно такой же, что снес недавно Марио, словно пушинку. Итальянец уже сидел в сторонке, тряся головой; рядом с какими-то тряпками в руках кружили вокруг него Таня-Тамара и Люда Николаева.

– Ничего, – усмехнулся командир, – сейчас перекусит – вон сколько сюда еды натащили – и придет в себя.

А чемпион тем временем изящно поднырнул под удар и нанес свой – акцентированный и страшный – ребром ладони по печени неандертальца, если конечно у них она там располагалась. Наверное располагалась, потому что снисходительное выражение лица дикаря как-то сразу сменилось болезненным, а больше удивленным: наверное его никогда так не били.

Вот противники опять замерли против друг друга. И неандерталец вдруг ухмыльнулся и опустил руки, подставляя под удар незащищенные живот, грудь и голову. Ну, до головы, достать будет высоковато, а вот все остальное вряд ли бы выдержало настоящий удар чемпиона. А неандерталец надеялся на это – вон, даже правую ногу словно невзначай отставил назад; совсем так же, как недавно тайцы, подставившие под удар своего кумира доску-пятидесятку.

Ну что ж, чемпион не подкачал. Не рукой – летящей вперед в сокрушительном ударе ногой он постарался пробить пресс неандертальца.

– А надо было не сокрушительным, а смертельным, без всяких самоограничений, – с огорчением констатировал командир тот факт, что в последний момент таец все таки как-то задержал движение, явно вспомнив запреты на фатальные для организма противника удары, – для дикаря он бы не был смертельным. Наверное вспомнил – не вовремя – что бой все таки не до последнего вздоха. А этот вспомнит?

«Этот» – гигант – вздрогнул всем телом; отставленная назад нога даже подогнулась, но все-таки он выдержал удар! Более того, руки моментально дернулись вперед и огромные ладони обхватили лодыжки чемпиона. Но даже сейчас Самчай был опасным противником, и дикарь это понимал. Поэтому он не дал противнику сконцентрироваться – сразу закружил его, словно метатель молота, передвигаясь к свободному сейчас кубу из пористой площадке, на котором совсем недавно Ирина Жадова организовала концерт для племени дикарей.

И если сейчас голова Самчая, не останавливая своего движения по большой траектории, обрушится на этот куб со стороны в полметра, ни доктор Браун, ни Света Кузьмина ничем не смогут помочь. Это поняли и снайперы. Бэйла издала какой-то неопределенный звук, а Оксана легонько стукнула Александра по стибу руки, едва не помешав ему сделать прицельный бросок.

Но вот вперед летит первый патрон от «Вепря», выпущенный не силой расширившихся пороховых газов, а тренированной рукой. Если бы любимая девушка знала, сколько раз металл такой снаряд полковник, будучи еще необремененным таким количеством больших звезд на погонах! Впрочем, бывшей биатлонистке как раз таки ничего объяснять не нужно. Патрон ткнулся острым концом пули как раз туда, куда и должен был – в центр наружной стороны правой ладони неандертальца, и пальцы самопроизвольно разжались; острая колющая боль была ничуть не слабее той, которой «наградил» этого верзилу тайский чемпион своей ногой. Потому, наверное, парень и зашипел, остановил свое вращение – а тут и второй подарочек в виде такого же патрона прилетел, поразив уже вторую ладонь.

Чемпион резво вскочил на ноги; отпрыгнул в сторону и тоже замотал головой – побывать подопытным кроликом в центрифуге ему явно не понравилось. Повторения он тоже не хотел. Ему и не позволил – новый боец; к пластмассовому кубу уже подходил полковник Кудрявцев.

– С одной стороны, – думал он, стягивая с себя камуфляжную куртку, – глупо меряться силушкой с неразумным отроком; но что-то подсказывает, что сделать это необходимо. И, как это не удивительно, поражения этого дылды больше ждут не наши ребята и девчата – им-то

мне ничего доказывать не надо – а как раз дикари. Вон они уже и свои идиотские ухмылки почти растеряли. А сейчас и последние удивлением смоеет.

Нет, Кудрявцев не переоценивал свои силы; он прекрасно видел несокрушимую мощь и выносливость неандертальца – не собирался меряться с ним в этих компонентах. Один, ну два точных дозированных удара в нужное место и все! А пока пусть постоит, помассирует ладошки; а нечего их поднимать на людей! Полковник так и сказал: «на людей», – не признавая за противником права называться так же.

Вот вроде соперник к бою готов; даже ухмыляться начал – пока не заглянул в спокойные глаза Кудрявцева. И тут неандерталец переменялся в лице; он словно понял, кто стоит перед ним – главный противник всей жизни. Теперь не снисходительная ленца уверенного в себе великана царила в нем, а ненависть и... страх. Этот страх наверное и заставил его отскочить поначалу к своему мелкому соплеменнику, со сдавленным рычанием вырвать у него из рук кувалду, и атаковать полковника, окружив себя сверкающим кругом нержавеющей стали. Теперь не Самчай, а молот выступал в роли крыльев ветряной мельницы, с которым собрался вступить в поединок...

– Нет, не Дон Кихот, конечно, – с усмешкой вспомнил длинноусого героя Кудрявцев, подныривая молниеносным движением под сплошной круг из тяжелого металла, – для этого у меня слишком мало безрассудного благородства. Да и подвигов во имя прекрасной Дамы... я готов, конечно, но моя дама сама любой подвиг совершить может!..

Он повернулся и улыбнулся побледневшей Оксане; еще сильнее побелели пальцы, стискивающий ложе «Бенелли». Одновременно рука полковника вывернула из громадной ладони молот, по сложной траектории останавливая его бешенное движение. Сам гигант сложился пополам от единственного тычка кулаком – практически туда же, куда уже безрезультатно пытались пробить и Марио, и тайский чемпион. Но пресс у людей, ну и у неандертальцев тоже, большой, а у этого просто громадный; и в каждом из них есть уязвимые точки, и есть особо уязвимые, в которые достаточно ткнуть посильнее. Не со всей дури – иначе противник просто не встанет больше на ноги. А этот ничего – вон даже не упал. Сейчас разогнется и... пусть идет по своим делам, бой уже закончен. И кувалдочку свою, в которая явно побольше двух пудов будет – килограммов пятьдесят, не меньше – с собой забирает.

Кудрявцев опустил взгляд на это грозное оружие и... нет, не замер в изумлении, хотя такой реакции можно было ожидать от любого, а громко расхохотался. Потому что на длинной рукояти янтарного цвета были выдавлены два слова на русском языке: «Толик козел». Сама рукоять была изготовлена скорее всего из их (уже их!) чудесной пластмассы, готовой принять любую форму в момент затвердевания и несокрушимой после завершения этой химической реакции. Несокрушимой для всех, но только не для него, полковника Кудрявцева.

И он совершил еще один хулиганский поступок, совсем как мальчишка, пытающийся доказать превосходство над сверстником (на глазах у девчонок, конечно же!). Александр расслабился на мгновение и заполнил тело восхитительным чувством неограниченной ничем силы, которая позволяла ему сгибать вручную тугие рога арбалета, ломать, словно печенье, на куски толстые доски и рушить в сомкнутом кулаке несокрушимые внутренние связи гранитного окатыша, превращая его в песок.

Выпрямившемуся наконец неандертальцу он протянул молот, держа его вытянутой рукой за самый конец рукояти; вряд ли этот гигант смог бы повторить такой трюк. А ведь его ждало еще большее потрясение – на самом кончике пластмассы, прямо под курьезно-оскорбительной надписью теперь глубоко отпечатались пальцы полковника.

– Ну вот, – все так же озорно усмехнулся он, – оставил отпечатки пальцев. Теперь меня найти по ним...

Он заглянул в глаза бывшего противника, принимавшего тяжеленный металл обеими руками, и озорное настроение словно смыло – этот противник никогда не станет бывшим.

В потемневших глазах неандертальца плескалась пламя настолько неистовой ненависти, что оставалось задать вопрос: «Когда это пламя сожжет?...»

– Кого? – подумал командир, поднимая с пластмассового куба куртку, – владельца, конечно. Не меня же. Я поворачиваться к этому парню спиной и ждать, когда ярость выплеснется наружу, не собираюсь.

А неандерталец все таки выплеснул свою ненависть – на незащитный кусок пластмассы; может потому, что совсем недавно этот кубик послужил сопернику? Кудрявцев круто повернулся, немного не дойдя до супруги, увидев, как у нее округлились глаза – то ли в изумлении, то ли в восхищении. Повернулся, чтобы увидеть картину, достойную запечатленной в камне самым талантливым скульптором: гигантский неандерталец вытянулся в неистовом порыве; его мощные руки замерли, занеся тяжеленный молот для сокрушительного удара.

Миг – и это орудие, сравнимое сейчас, наверное с гидравлическим молотом нехилых характеристик, обрушилось на такой маленький и незащитный кубик. Фиг вам – куб остался целым, что явилось несомненно еще одним потрясением для дикарей, но не стало откровением для людей. За спиной полковника даже раздалось несколько смешков, которые, правда, быстро умолкли – все же удар был впечатляющим.

Своей нижней гранью площадью пятьдесят на пятьдесят сантиметров куб ушел в плотно утопанную землю так, что над поверхностью сейчас торчало не больше половины объема. Так что Кудрявцеву пришлось приложить неслабое усилие, чтобы выдернуть из земли эту кубическую «репку». Неандерталец испуганно отшатнулся от появившегося неожиданно прямо перед ним противника и опустил молот, уперев его тяжелый кусок металла в остатки травы у ног. А потом... сгорбил спину и ушел, волоча молот по земле, когда несокрушимый, казалось, куб развалился на мелкие куски под единственным ударом кулака полковника.

Люди готовы были взорваться ликующими криками, но этому океану эмоций не дал вырваться наружу единственный каркающий возглас старого великана. Он поднял руку с посохом высоко вверх и обратил к небу лицо с закрытыми глазами, из которых – Кудрявцев едва поверил – стремительно текли слезы. И это были слезы радости, потому что сухие безветренные губы раздвинулись в широкой улыбке; они что-то шептали, но слов этих полковник не услышал бы, даже если бы стоял вплотную к старому вождю – вокруг шумно радовались победе чужого поединщика неандертальцы.

– Почему? – пожал плечами Александр, – вот пусти сами и объясняют; если сумеют, конечно. Нам тут даже Алексей Александрович не поможет.

Он оглянулся на профессора, который видимо уже успел налюбоваться на неприкрытый восторг нелюдей, действительно сбросивших маски идиотов и кажется готовых пуститься в пляс. Ага – вон тот коротышка, что не побоялся подержать в руках молот, уже пляшет. А профессор смотрит совсем в другом направлении – на стол, уставленный яствами, которые с удивительной скоростью уничтожали Марио с Самчаем.

– Ого, – восхитился такому аппетиту товарищей Кудрявцев, – пожалуй, надо поспешить, – иначе нам не останется.

Он вдруг почувствовал нешуточный голод, ведь солнце уже давно перевалило верхнюю точку небосвода, да и поединок, каким бы не казался для наблюдателей коротким и нетрудным, все таки отобрал у организма много сил, особенно нервных.

– А нервные клетки, – он подхватил под локоть Оксану, увлекая ее за собой к столу, – как известно, не восстанавливаются. Хотя, как оказалось, и из этого правила есть исключения...

Еды хватило на всю разведгруппу. Весь стол был заставлен праздничными (гости ведь, хоть и такие удивительные!) блюдами, да и в телеге, запряженной верблюдом, хватало добавки. Даже чай в китайских термосах принесла Егорова.

– А эти ребята есть не захотели, – с обидой в голосе произнесла она.

– Нам больше досталось, – засмеялся Анатолий, и тут же закашлялся, поперхнувшись непрожеванным куском.

Все вокруг тоже засмеялись; еще больший хохот вызвал рассказ командира об удивительном оружии неандертальцев, об еще более удивительной надписи на его рукояти. А когда смех все таки прекратился, профессор Романов задал уместный вопрос: «И что все это означает?». И тот же тракторист, откашлявшийся и отсмеявшийся вместе со всеми, к удивлению и профессора, и многих других, ответил достаточно логично и убедительно:

– Сказал же этот... лама Севера, что русский язык станет единым в будущем, почему бы ему не быть таким в прошлом?

– Ага, – язвительно возразил ему доцент Игнатов, – а вот этого товарища, наверное, зовут Толик?

Так он обозвал старого вождя, который подходил к ним тяжелой походкой. Следом за ним шли еще двое великанов, причем младший своей недовольной физиономией словно говорил: «Очень вы мне нужны, чужаки! Если бы не старый вождь...». А четвертый в процессии – тот самый коротышка – выглядел самым довольным. Наверное потому, что его взяли в такую солидную компанию. С его согнутой в локте руки свисали какие-то бусы; другая рука придерживала кожаные узлы за спиной. Все выглядело так, словно старый великан направлялся на торжественную церемонию - вручать своеобразные медали победителям. Только вот медалей этих было не меньше дюжины.

Старик с непроницаемым лицом пошел меж расступавшихся людей, словно выбирая награждаемых; вот он остановился у низенького доцента, и только сейчас командир понял, кого напомнили ему эти гиганты – Сергея Петровича Игнатова. Они стояли друг напротив друга – такие разные, даже чужеродные, но их сходство, по крайней мере в лицах, было очевидным. А потом неандерталец опять закаркал, только теперь на русском, словно молитву, которую повторял ежедневно всю свою жизнь:

– С вами спорить, Петровичи – все равно что пить без закуски неразбавленный денатурат!

Потрясенный доцент повторил эхом последнее слово, произнесенное стариком самым торжественным образом:

– Почему «Денатурат»? Я его никогда не пил – даже вкуса его не знаю...

А неандерталец удовлетворенно кивнул, но одарять свою мелкую копию бусами не стал. Он пошел дальше, снимая с протянутой вперед коротышки соплеменника янтарные ожерелья, и вручая их выборочно, по какому-то непонятному выбору.

– Нет, – поправил себя командир, получая дар последним, – выбор как раз таки понятен, но как его сделал старик?

К командиру тут же сунулся профессор; он тоже заметил закономерность – и неудивительно, ведь системность и логика были главными составляющими его призвания по жизни:

– Ты заметил, Александр Николаевич?..

– Что он вручает свои бусы исключительно членам нашего Совета?

– Ага, – несколько обескураженным от такой пронизательности Кудрявцева голосом согласился Романов, – Толик успел назвать его Президентским.

– Толик много куда успевает, – усмехнулся командир, – вон – даже на рукояти молота дикарей отметился.

– Не думаешь же ты?..

– Я много о чем думаю, – прервал Романова полковник, – давай лучше послушаем, что нам расскажет этот старик.

– Но как?! – поразился профессор.

– А вот с помощью вот этого, – Кудрявцев сунул под нос собеседнику бусы, которые перед этим перебирал пальцами. словно четки.

Нет – он не играл, не пытался попробовать на прочность, как рукоять (кстати материал, из которого были изготовлены эти такие разные предметы, был одинаковым). Полковник попытался проникнуть в суть этих застывших кристаллов, как объяснял ему тибетский лама, и в какой-то момент понял, что меж атомами этих янтарных окатышей текут слова – в разных направления; и при этом они удивительным образом меняются, подчиняясь неосознанной воле владельца и обретая знакомые ему формы.

– В общем, – пояснил он, – это устройство универсального перевода. Так что ждет тебя, Алексей Александрович, безработица.

Но профессора такая перспектива не испугала, а вот возможности дикарских «компьютерных» бус весьма заинтересовали. Не сказать, что он совсем не поверил командиру; но сомнение все таки читалось в его лице. И Кудрявцев тут же рассеял его.

– Оксана, – повернулся он к супруге, надевая на шею ожерелье, – скажи что-нибудь на иврите.

Девушка произнесла несколько слов, которые ни сам Александр, ни профессор не поняли. На лице последнего прибавилось скептицизма.

– А теперь так, – командир вынул из рук Оксану бусы и сам надел ее на шею супруги.

Та снова заговорила, очевидно повторяя первую фразу, и Кудрявцев с удовольствием понял:

– Тебе уже мало, что я говорю, как сильно тебя люблю, на русском языке. Хочешь слышать на иврите?

– И на иврите, и на всех остальных языках, которые только есть в мире... во всех мирах!

Теперь Оксана смотрела на него озадаченно:

– Ты учишь иврит, когда меня рядом нет?!

– Ага, – засмеялся командир, – когда это в последний раз тебя рядом не было? Разве только... там, – он кивнул в сторону лагеря, имея в виду помещение, украшенное витиеватым рисунком Ершова, – но уверяю, самоучителя по ивриту там нет.

Оксана Кудрявцева счастливо засмеялась, а пораженному профессору оставалось только наблюдать, как по команде полковника почти пустой уже стол освобождают от посуды, с двух сторон выстраиваются по три стула (в телеге их оказалось как раз шесть штук) и его приглашают к этому столу в качестве одного из членов высоких договаривающихся сторон.

Они так и расселись – три громадных дикаря, а напротив них командир и Оксана с профессором. Последний, вовсе не желая поразить еще раз неандертальцев, а наверное лишь ради последующего скрупулезного изучения (так решил командир), выставил на столешницу планшет и включил его в режиме записи. Если засветившийся экран и поразил дикарей, они этого никак не показали. Больше того, побежденный им гигант вполне оправился, и сейчас нагло ухмылялся, разглядывая окрестности и останавливая, как понял Кудрявцев, взгляд на наиболее приглянувшихся ему человеческих экземплярах прекрасного пола.

Там конечно было на кого посмотреть, но не так же нагло, с оценивающим взглядом неудовлетворенного долгое время самца. Вот его масляный взгляд остановился на Оксане и он даже подморгнул ей – совсем как человек. А вот этого уже полковник, ощутивший острый укол в сердце, прощать не стал. Он снял свое ожерелье и нагнулся к супруге, прошептал ей на ухо:

– Улыбнись-ка, милая, этому парню как ты умеешь. Вспомни нашу Седую подругу.

И Кудрявцева улыбнулась! Да так, что и командир, да и все рядом увидели, что выражение: «Снести взглядом», – бывает не только фигуральным. Гиганта действительно снесло – вместе со стулом, так что последний разломился на множество мелких частей, а сам поверженный лежал с закрытыми глазами и ушибленным затылком, пока старик не вздернул его на ноги одним рывком (а есть еще силенка у дедушки!) и не поставил, как нерадивого ученика в угол, перед столом. Так он и простоял все переговоры, уткнувшись в столешницу, ни разу не подняв глаз на людей напротив.

– Мы – не-звери! – торжественно начал старик.

– С чем вас и поздравляю, – не выдержал, засмеялся за спиной командира Анатолий, и тут же умолк – после того, как там же прозвучали звуки сразу трех увесистых затрещин

– Две понятно, – невольно подумал Кудрявцев, – а кто третья?

– Мы – высшие не-звери, – поправился старый вождь, и это уточнение полковнику не понравилось.

– Мы – люди, – не менее торжественно представился он, – и у нас нет низших. Каждому воздается по трудам и заслугам его. И чем больше заслуг, тем больше трудится человек. Я – вождь нашего... племени. Избранный вождь. Полковник Кудрявцев Александр Николаевич; это – опустил он руку на плечо соседа слева, – профессор Романов Алексей Александрович, главный советник племени; а это, – другая рука сжала ласково плечо соседки, – Кудрявцева Оксана Михайловна, моя супруга и помощница.

Полковник совсем не хотел поразить старика перечислением полных имен; однако тот даже отшатнулся, уstraшенный. Как оказалось, длина имени, по крайней мере у «высших» неандертальцев, свидетельствовала о возрасте и, по умолчанию, об авторитете его владельца. Старого вождя звали Денатом; молодого громилу, стоявшего у стола с понуро опущенной головой, просто Де, а его отца – третьего великана, единственного, в чьих глазах полковник, как не присматривался, не заметил ни капли враждебности, только любопытство и... усталость, Деном.

– Сегодня у него, – его широкая ладонь ощутимо хлопнула по обнаженному прессу стоявшего рядом парня, – родится сын, Де. Он сам (еще один звучный хлопок по животу) получит имя Ден, его отец (чуть заметный кивок в сторону внука) – Дена, а я...

– А ты, – подхватил Романов, – Денату. А где же нынешний Дена?

– Он не прошел испытания, – заметно поморщился Денат, – пещерный лев оказался сильнее моего сына... Или умнее.

– Ага, – почему-то с удовлетворением подумал командир, – значит Википедия не врет, и пещерные львы еще бродят тут. Точнее живут в своих пещерах.

А профессор не унимался:

– Значит, через три поколения ты станешь Денатуратом? – он посмотрел искоса на командира, но тот не стал ухмыляться, потому что понял, что это может разрушить весь ход пока мирных переговоров.

– Великий Денатурат может быть только один, – старик даже встал, – а мне еще три поколения не прожить. Я умру в день битвы со Спящим богом. Твоей битвы, Великий охотник, – он чуть поклонился полковнику.

– Полковник Кудрявцев не охотник, – поправил вождя опять таки Романов, – он великий воин.

Командир чуть поморщился, а внутри себя ухмыльнулся: «Гляди-ка, и Алексея Александровича на пафос пробило». А вождь кажется не на шутку изумился:

– Кто такой Великий воин?

Теперь настала очередь изумляться профессору: «Что это за дикари, если у них нет воинов?»

– Ну... это, – справился он все таки с удивлением, – люди, которые защищают свое племя от других людей – тех, что нападают и убивают соплеменников.

– Убивают! – еще больше поразился старик, – но ведь не-зверям нельзя убивать не-зверей! Такого можно назвать только зверем – и побить камнями всем племенем.

– Вот это правильно! – восхитился Кудрявцев, – у нас там, в двадцать первом веке, тоже нелюдей хватает – вот бы их тоже всех камнями.

Вслух же он спросил:

– И что это за Спящий бог, и почему я должен с ним биться. И можно ли его победить?

Старик надолго замолчал. Наконец он кивнул стоящему позади парню и тот водрузил на столешницу два кожаных мешка, в которых что-то при этом звякнуло. И это «что-то» напомнило Кудрявцеву прошлое – именно так звякали в кошельке монеты. Потом вождь стащил с шеи еще два мешочка и опять замолчал, застыв взглядом на этом нехитром реквизите. Наконец он глубоко вздохнул и, словно ныряя в глубокую холодную воду, опрокинул на столешницу содержимое меньших мешочков. По дереву покатались, сверкая бесчисленными гранями, два камня – явно драгоценных, подобных тем, что украшали оружие неведомого сирийского эмира. Вот только размерами те были поскромнее, да чистотой такой не отличались.

Первый – абсолютно прозрачный, так что надо было постараться, чтобы увидеть его на доске, был размером с куриное яйцо; второй, черный настолько, что эта чернота словно утягивала внутрь себя, был покрупнее раза в полтора, но тоже не оставлял сомнений – это был настоящий алмаз, ограненный с поразительным мастерством.

Старый неандерталец начал повествование:

– Эти камни – часть сущности Спящего бога. Их вырвал из груди бога Великий Денатурат в первой битве. И бежал в холмы, куда когда-нибудь волчица принесет двух младенцев.

– Рим, – ахнул профессор, – это легенда о рождении Великого города.

Рядом вдруг оказался Марио, без ожерелья, естественно – ведь он не был членом совета, и кто-то сзади не пожадничал, протянул парню свое. Теперь опять настала очередь поражаться старому вождю:

– Ты, – протянул он корявый палец почти до самой груди итальянца, – ты будешь жить на священном холме уже после того, как волчица принесет туда младенцев. Но как это может быть?

Его восприятие сидящих напротив людей изменилось; он смотрел теперь на них не просто с надеждой, а с надеждой, которая вполне может воплотиться в реальность – в отношении Спящего бога, по крайней мере.

– Спящий бог вернулся к Денатурату, – продолжил он, когда Марио отступил в задние ряды слушателей, – и предложил выкуп за свои камни. Богатый выкуп – вот этот.

Теперь его палец показывал на большие мешки, но развязывать их он не спешил:

– Денатурат отказался, а на священном холме Спящий не мог одолеть его. Тогда бог проклял все поколения не-зверей, и наложил запреты, нарушения которых влекут за собой кару.

Старый дикарь опять встал со стула, снял неторопливо с шеи такое же, как у дюжины людей, ожерелье. Теперь полковник не мог понимать его речи. Но старик опять заговорил по-русски, точнее повторил заученную за долгие годы жизни (можно было сказать – за многочисленные поколения) роль:

– «... и не будет у вас ни буквы, ни цифры; ни колеса, ни лука; ни железа, ни золота; и не будет у племен ваших друзей кроме вас самих. А если кто нарушит запрет, за тем придет мой палач – Седая медведица!».

Сам старик вряд ли понимал, о чем сейчас говорит, а вот Оксана ошутимо напряглась, когда прозвучали последние слова, так что Александр поспешил отвлечь ее, воскликнув:

– И стоили эти камни такой жертвы?

Он взял в руки прозрачный бриллиант, не обращая внимания на слабую попытку вождя остановить его. Старик как раз надевал на свою шею ожерелье, так что не успел помешать Кудрявцеву, а тот вдруг... задохнулся от радости, что заполнила все его существо, от радости понимания того что впереди все будет хорошо, просто замечательно. Большой палец произвольно переместился на другую грань камня; у этой грани название было – счастье. Счастье от того, что все хорошо уже сейчас, что рядом сидит...

Палец сдвинулся еще, и Александра теперь заполняла любовь; не к кому-то или чему-то определенному, нет! Любви заслуживало все вокруг – и бескрайнее небо, и река, несущая свой

воды к океану, и друзья вокруг, и даже этот старик напротив и... взгляд наткнулся на парня, поднявшего голову и ненависть, полыхнувшая в его взоре словно холодным душем окатила разум Кудрявцева, заставляя гнать прочь неестественные и совсем ненужные чувства.

Зачем ему искусственная любовь, когда рядом настоящая – вот она смотрит встревожено на мужа. Полковник улыбнулся Оксане и разжал ладонь. Камень скользнул в подставленный мешочек, а командир, глубоко вздохнув несколько раз, словно выгоняя из легких отравленный воздух, взялся за второй, черный бриллиант.

Теперь его плечи пригнули к низу такие безысходный ужас и боль, что он не сразу понял, куда бредут его разбитые в кровь ноги. Сзади, в голую спину вонзался мириадами игл ледяной ветер (потому что на календаре – откуда-то знал он – был февраль одна тысяча девятьсот сорок третьего), а впереди встречал еще более жуткий холод газовой камеры...

Что это был за концлагерь; как звали несчастную жертву, чью безысходность впитал в себя черный камень, Кудрявцев так никогда не узнал; палец сдвинулся на соседнюю грань, и разбитые губы Виктора Иванова, заклеенные широкой полосой скотча, не смогли прошептать: «За что? Я ведь рассказал тебе все, что знал!». А над ним с жуткой ухмылкой нависало лицо прибалтийки, и молоток уже опускался на голову, и ничего нельзя было сделать, потому что руки тоже надежно смотаны скотчем за спиной, и только пальцы еще могут шевелиться, могут сжать этот неподатливый кусок камня и давить его пока...

Черный песок ссыпался из ладони полковника Кудрявцева во второй мешочек, и над столом, да и над всей округой повисла тяжкая тишина. Александр понял, что никто, кроме него, не посмеет ее нарушить и протянул руку вперед, положив руку на один их больших мешков:

– Здесь тоже камни?

– Нет, – очнулся старик, – это плата за нашу жизнь. Когда этот мешок опустеет, – он поднял мешок, который был явно легче, – умрет последний не-зверь.

Темные пальцы с трудом развязали тугий узел и на столешницу посыпались деньги, советские однокопеечные монеты, увидев которые профессор едва слышно пробормотал:

– Так вот как оценил этот бог жизнь целого поколения. Шутник, однако.

– Ну, может для него это было не шутка, – неожиданно для себя ответил Кудрявцев, – но это не главное.

– А что главное?

– Вот это, – полковник взял одну монетку из большой кучи – вождь как раз высыпал деньги из второго мешка, и эта куча была раз в пять-шесть больше первой, – монетка номиналом в одну копейку тысяча девятьсот шестьдесят первого года выпуска. Ничего не напоминает?

– Вообще-то я сам в этом году родился, – улыбнулся профессор.

– Ну и я чуть пораньше... А Оксана чуть попозже. То есть это наши деньги, и еще молот с Толиком, Петровичи с денатуратом...

– Ты хочешь сказать, что этот самый Спящий бог из одного с нами времени, может быть... один из нас?!

Прежде чем ответить, Кудрявцев, в свою очередь, стянул с шеи ожерелье (а нечего неандертальцам знать все секреты людей):

– Скорее нет, чем да. А вот то, что скрывается под псевдонимом Спящий бог, вполне могли создать мы. А камни эти, – он кивнул на маленькие мешочки, так и лежащие на столешнице, – что-то вроде микросхем, кристаллов памяти, или что там еще могло быть? Однако не завидую я, друзья, созданию, который не может ни любить, ни ненавидеть. Что еще могло остаться у такого монстра?

– Знания, наверное..., ум, опыт, – неуверенно начал перечислять профессор, – сила, жажда власти, любопытство. Что еще?

– Безразличие, – негромко добавила Оксана – она тоже сейчас была без ожерелья, – то самое безразличие, с каким сюда на гибель отправили сотни людей.

– Тысячи, – поправил ее профессор.

Он как раз закончил выстраивать столбики из монет меньшей кучи и удовлетворенно кивнул:

– Две тысячи штук. Умножить на двадцать – как раз получится те самые сорок лет, через которые – заметьте – как раз где-то в Пиренеях, то есть сравнительно недалеко от Рима, погибнет последний неандерталец.

– Ну, добавим им еще двадцать лет, – полковник щедрой рукой водрузил на один из столбиков монету – ту самую, что взял из большой.

Коротко вскрикнул вождь; за ним еще более изумленно воскликнули его потомки. Пока командир надевал ожерелье, старый вождь трясущимися руками попытался подвинуть часть большой кучи к выстроившейся ровными столбиками меньшей. Увы, фокус не удался. А может, как раз наоборот? Совершенно одинаковые на вид монеты повели себя как черные кружочки магнитов из далекого детства Кудрявцева. Копейки не хотели смешиваться, они упорно отлетали друг от друга, образуя все те же неравные группы.

Денат с мольбой поглядел на командира, но тот только пожал плечами: «Спешить не будем. Посмотрим на ваше поведение»...

Безуспешные потуги вождя прервал дикий крик. Так отчаянно могла кричать только подвергаемая мучительным пыткам женщина или... роженица. Первыми догадались конечно медработники. Сразу трое – доктор Браун, никарагуанка и Люда Николаева помчались на крик и первой подоспели к неандерталке, лежащей навзничь на траве. В ее огромный живот мощно стучался младенец, которому явно было тесно внутри. Но дикарка как-то дошла, поддерживаемая с двух сторон медсестрами, до медицинского фургона, а там ее подняли на ступени крепкие руки парней. Людей, если быть совсем точным, потому что дикарей в пределы лагеря не пустил часовой.

На упершийся в грудь ствол АКМ и одного из тайваньских китайцев, который направил вперед оружие, старый вождь посмотрел с недоумением; он мог снести эту хлипкую преграду, даже не касаясь запретного железа. Но рядом стоял Великий охотник, который всем своим видом говорил: «Ни шагу дальше!».

Полковник решил отвлечь внимание племени, а заодно показать, что Денат (пока еще не Денату) совершенно зря недооценивает оружие в руках часового.

– Вы не приняли нашего угощения...

– Запрет, – пожал плечами старик, – у не-зверей нет друзей, кроме...

– Это я уже слышал, – остановил его движением руки командир, – но твои люди от этого запрета менее голодными не стали?

Денат дипломатично пожал плечами.

– Ну тогда готовьте пищу сами, пока ваша женщина рожает.

– Она не родит без меня, – старик вытянул из-под шкур огромный каменный нож, – а мой внук пока добудет зверя... он быстро бегают.

– У нас ножей хватает, – усмехнулся командир с таким непреклонным видом, что нож словно сам собой исчез под одеянием вождя, – и бегать никому не надо. Смотри!

Все повернулись от сетчатого забора, за который не пустили «гостей», в направлении реки, от которой как раз к лагерю брело, пощипывая свежую травку, стадо любопытных оленей.

– Бэйла, возьмешь отсюда?

За спиной возмущенно фыркнули и тут же раздался выстрел, от которой практически все дикари попадали наземь. Только «высшие» гиганты не позволили себе уронить авторитет в глазах чужаков (да и своего племени тоже, наверное); они так же вглядывались в стадо, которое замерло на мгновение, и унеслось подобно ветру, дразня прирожденных охотников белыми «штанами» под хвостами. И лишь один, самый крупный, подпрыгнул вверх на месте, и упал

с пробитой головой. Конечно, полковник невооруженным глазом не мог увидеть этого, но куда еще могла целить бывший снайпер израильского спецназа Бэйла Никитина?

Племя побрело вслед за своими огромными предводителями; осталась только одна неандерталка с маленьким ребенком на руках, на которую старик, отбирая у людей свои ожерелья, показал пальцем:

– Отведете ее туда, – он махнул рукой в сторону фургона, – когда родится Де. Это его вторая мать.

Полковник не поленился, проводил тройку гигантов до стола, вокруг которого с увлечением возились Маша и Даша – их с Оксаной дочки. А когда эта процессия подошла поближе, он не знал что делать в первую очередь – изумляться или смеяться над вытянутыми физиономиями неандертальцев.

На столешнице ровными рядами выстроились столбики монет, и теперь никакой бог не смог бы разделить их по мешкам...

Глава 4. Профессор Романов. Дела текущие

Мина – так звали роженицу, родила крепкого здорового малыша ровно в двадцать ноль-ноль по местному времени. А точнее – по часам доктора Брауна, который и зафиксировал это событие. Имя свое она сообщила сама, при помощи пары ожерелий, которые не успели сдать сам Браун и Таня-Тамара.

Старый вождь или забыл, или не рискнул вызывать гнев Великого охотника, отвлекая от тяжелых трудов скрывшихся в фургоне медиков. А труды действительно были тяжелыми.

– Девять килограммов восемьсот пятьдесят граммов, – с гордостью, словно это его собственный ребенок, возвестил англичанин, присаживаясь с усталым видом на крылечко.

– А как молодая мама? – командир конечно не ходил в волнении вокруг фургона, но каким-то образом узнал, что именно сейчас нужно подойти сюда. Алексей Александрович последовал за ним. Оксана, естественно, тоже.

В общем, к восьми вечера вокруг фургона собралась внушительная толпа, отдельно от которой держалась неандерталка, оставленная вождем.

– Ее хоть покормили? – спросил командир.

– Не ест, – сокрушенно вздохнула Егорова.

Она так же вздыхала в первый день, когда в лагере появились худущие итальянки. Этой дикарке было далеко до моделей, в смысле угрозы анорексии, но ведь она еще была и кормящей матерью, который как раз сейчас присосался к ее груди. Ребенок запищал, недовольный – или шум голосов разбудил его, или молока не хватило. И профессор совсем не удивился, когда полковник велел принести полноценный ужин, и остатков с обеда прихватить.

Совсем скоро неандерталка, испуганно выслушавшая приказ командира (с помощью волшебных ожерелий, конечно), шустро работала ложкой, забыв и про запрет на чужую еду, и на металлы. Ей и изумленные взгляды людей не мешали.

– Во дает, – восхитился вслух Анатолий, – словно с ложкой в руке родилась. А завтра вилку с ножом попросит.

Профессор нетерпеливо ходил кругами вокруг ужинавшей «красавицы». Последняя смела все, что ей принесли, потом еще раз покормила младенца, который на этот раз довольно чмокал. Наконец Алексей Александрович дрожащими от нетерпения руками (за этим с каким-то, ничем необоснованным, подозрением следила Таня-Тамара, вышедшая наконец из фургона) надел на шею дикарки ожерелье, врученное ему Кудрявцевым. Второе уже украшала его самого.

И тут он задумался; о чем может беседовать профессор Санкт-Петербургского университета с этой дикой самкой, которой к тому же всю жизнь вдалбливали в голову какие-то противоестественные запреты? «Ну, – решил он, – начнем со знакомства»:

– Как тебя зовут, женщина?

– Рина, – со страхом ответила дикарка.

– Зеленая? – неожиданно для себя вспомнил одну из любимых актрис профессор.

Ничего общего с этой неандерталкой актриса конечно же не имела, но... вырвавшегося слова не вернешь, а дикарка ответила:

– Нет, мы не Зеленые. Племя зеленых живет в руке переходов в сторону восхода солнца от Священной пещеры.

– Эге, – подумал Алексей Александрович, – не такие уж вы забытые, как хотели казаться, и как... думает о вас ваш старый вождь.

Увы, аванс был слишком щедрый. На все остальные вопросы Рина только пожимала плечами. Сколько племен было всего? Как они взаимодействовали? Какие враги мешали их существованию? Дикарка определенно понимала вопросы, пыталась ответить, но словарный запас

был чудовищно мал, а главным числом при счете была рука – те самые пять пальцев, о которых когда-то говорил прозорливый тракторист.

Более подробно она рассказала о своей миссии:

– Когда Мина, – женщина показала свободной рукой на фургон, – умрет, я буду кормить сына вождя, и буду называться его второй матерью. А мой Гун (она сильнее прижала к себе ребенка) станет ему братом.

– С чего ты взяла, что она умрет? – удивился профессор; удивился скорее уверенности неандерталки, сообщившей о предполагаемой смерти соплеменницы как о неоспоримом факте.

– Так всегда было и будет, – равнодушно сообщила Рина, – сейчас придет Денат и священным ножом достанет ребенка; а тело Мины сожгут на костре.

Ей, конечно, никто не перевел слова доктора Брауна; Алексей Александрович на всякий случай уточнил у британца:

– А что, Энтони, молодая мама жива?

– Живее всех живых! («Почти как Ленин», – машинально усмехнулся профессор), распахали ей живот конечно прилично – пришлось делать кесарево сечение. А как иначе – такой богатырь родился! Ну ничего – через пару недель выпишем домой.

– Которого у нее еще нет, – пробормотал Романов.

И тут пронзительным басом возвестил о своем появлении на свет, а также об изменении статусов и имен «высших» неандертальцев, сам герой сегодняшнего вечера. В двери фургона опять показалась усталая Таня-Тамара; она улыбнулась мужу и тут же грозно нахмурила брови, когда мимо нее попыталась прошмыгнуть Рина.

– Куда в грязной одежде? Не пущу!

Ожерелье до сих пор висело на шее неандерталки и она повернула лицо, заполненное отчаянием, к профессору. Тот уже начал лихорадочно подбирать слова для юной дикарки, но, как оказалось, их уже успел подобрать командир. Кудрявцев отобрал у Алексея Александровича второе ожерелье и, взяв за руку Рину, подвел ее к Зине Егоровой.

Профессору оставалось только наблюдать, как меняется выражение лица Риной – ужас и резкое отрицание сменили покорность и повинование. Ее рука тем временем переместилась на ладонь поварахи и полковник повернулся к своему заму по продовольственной части:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.